

Моран Бранд

ЛЕМНИСКАТА

Искра в капкане

Моран Бранд

Лемниската. Искра в капкане

«Автор»

2026

Бранд М.

Лемниската. Искра в капкане / М. Бранд — «Автор», 2026

Главная тайна Кантаны раскрыта, и Анацеа готова отдать её под трибунал. Она ослеплена яростью и не желает понять, что лишь Кантана может спасти Девятый Холм от смертельного недуга. Кольцо подозрений сжимается вокруг Нери и Мии. Дальше оставаться на Девятом Холме становится смертельно опасно. Нери, Миа и Кантана решаются на бегство на Первый Холм. Но на земле врага им совсем не рады. Между тем, Анацеа идёт по следу, одержимая идеей исправить ошибки и восстановить контроль над жизнью дочери. Беги, пока не настал рассвет!

© Бранд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Путь в пропасть	7
Глава 2 Предательство	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лемниската. Искра в капкане

Пролог

Тридцать шестой день первого сезона, годовой цикл 328

Если это не конец, тогда что?

Земля тряслась и ходила ходуном, будто чрево, готовое разродиться. Воздух пах яростью и болью. И хотя она видела лишь тьму, мрачная уверенность не отпускала. Жуткое предчувствие раздирало лёгкие. Ошибки быть не могло, и осознание этого было острее лезвия.

– Открой! – дверь едва не сорвалась с петель, когда два крепких кулака забарабанили по дереву. – Не смей! Слышишь?! Не смей!

– И не подумаю, – шепнула она растрескавшимися губами и подошла к окну. Ледяной ветер дунул в лицо, скинув волосы с плеч. Мелкие холодные крупинки осели на щеках.

Снег. Она не ошиблась – всё кончено. Сегодня они разорвали небо надвое. Фатальная оплошность повторилась. Второй шанс использован. Третьего не будет. Как же они недалёковидны, что не могут пораскинуть мозгами и принять это во внимание!

Всё таки, человек – неисправимое чудовище. Покровители сохранили мир для того, чтобы люди снова его уничтожили? Покровители дали возможность спастись лишь для того, чтобы её растоптали?! Как бы не так!

Пол трянуло. Град мелких камушков застучал по полу. В шуме, что сочился с улицы, чётко угадывались голоса. Они переплетались, наслаивались друг на друга, перемешивались в жуткую какофонию. Бессвязные фразы, яростные выкрики безумцев, дрожащие и срывающиеся от боли... Она почти видела их лица: испещренные язвами и расчерченные рельефом корок; лица, подобные географическим картам – ужасающие лица...

Но страха больше не было. Сомнений – тоже. Секунды, убегающие в никуда, как песчинки – вот чего следовало бояться сильнее, чем толпы разъярённых безумцев. Каждая могла оборвать тонкую нить, удерживающую мир. Или ознаменовать общий финал. Нужно успеть до того, как Покровители подведут черту, оставив их жалкие жизни за бортом.

Но даже если успеет — воскреснут не все. Как и в прошлый раз. Это – плата за ошибки.

Она улыбнулась, пытаясь сосредоточиться на главном: на том, в чём все они так нуждались сейчас. Знакомые слова – те, что знает каждая женщина, наделённая магическим потоком, и держит для особого случая – отчаянно просились на язык. Она проговорила их про себя, проверяя, не забылось ли что-то. Долгие годы жизни крадут память, об этом следует помнить, если планируешь что-то важное.

– Открой! – стук разбивал острый от эмоций воздух на мелкие осколки. Вот же как получилось: Анацеа, самая стойкая из них, сломалась, превратившись в одну из безумных. – Немедленно! Впусти меня!

– Я всё решила, – отрезала она, и горлом неожиданно пошёл дерзкий смех. – Встретимся там, где всё началось!

– Не смей! – голос Анацеа заглушал шёпот падающих камней и треск дерева. – У нас ещё есть шансы! Не всё потеряно, не всё!

И это говорит она? Анацеа Бессамори? В те страшные мгновения, когда их прижали к ногтю, и прятаться больше некуда? В обезоруживающие минуты, когда потеряла самое драгоценное?!

– Иногда вера в лучшее ведёт к поражению, – отрезала она в ответ, и за дверью раскатился пронзительный вой.

Глупо. Глупо и безнадежно. В Анацеа говорит паника. Она сейчас так же безумна, как люди, что собрались под окнами. И так же безнадежно больна... Анацеа ещё не поняла, что произошло. Возможно и не успеет понять.

Пошарив по столу, она подцепила ладонью горсть холодных морских камушков. Волна залила грани настолько, что их нельзя было отличить от самоцветов, обработанных рукой ювелира. Снег, летящий из распахнутого окна, оседал в волосах и таял, превращаясь в капельки воды. Они бежали по лицу, будто слёзы.

– Открой! – ветхое дерево с надрывом закрипело. Ещё чуть-чуть, и Анацеа всё испортит! Вот же неразумная женщина.

Пора.

– Даэрэс крипто хаэл, – первый камушек соскользнул с ладони и стукнул по полу. – Сир нарти глэйс мидонто, – второй полетел следом, прочертив по коже холодную линию.

Слова отскакивали от зубов, как ежедневная молитва Покровителям, и камушки стучали по полу, знаменуя окончания фраз. Удивительно, но годовые циклы и старость не украли ни слова из памяти. Это был самый важный урок в Наставне. Каждая из посвящённых должна была заучить заклятие наизусть, но никогда, никогда не произносить его вслух... Лишь особый случай давал на это право. Такой, как сегодня.

– Амэм! – подытожила она, обронив последний камушек: успевший вобрать тепло её прикосновения.

Воздух зазвенел и задрожал, стирая всё: стон трещащего дерева, приглушённый голос Анацеа, вопли безумцев. И прежде, чем она ощутила, как пространство разбирает её на лоскуты, в ладонь скользнул тёплый камушек. И ещё один. И ещё.

Она улыбнулась. Всё правильно.

Глава 1 Путь в пропасть

Ссылка тяжело провинившихся и совершивших преступления всегда пожизненна, учитывая промысел Покровителей. Перевоспитание и обучение преступников, отступников и нарушителей Устоев и Положений, как правило, не несёт перспектив и является напрасной тратой времени, сил, а иногда – магии Потока.

Ссылка изгнанных должна осуществляться в место, богатое природными ресурсами, предоставляющее возможность выжить, ибо лишь Покровители вправе отнимать жизнь. Место это должно быть надёжно изолировано от города и его жителей, во избежание контактов. Лишь члены Совета и их доверенные лица, да жрицы при необходимости, могут контактировать с изгнанными.

© Положение 62 “О наказаниях для преступников, отступников и нарушителей” .

1

Промозглый дождь размывал краски пейзажа, заставляя небо ломаться на осколки. Силуэты деревьев и границы тротуаров терялись в дрожащей мгле. Нери знал: сегодня фонари не зажгутся. Через пару часов Девятый Холм утонет в слепящей темноте, и лишь свет в одиноких иллюминаторах блоков немного разбавят её.

Истинную ценность привычных вещей можно осознать только потеряв их. Здесь, на Девятом Холме, даже обыденные составляющие прежней жизни, вроде электричества, казались чудом. Задумавшись о вечном, Нери перегнулся через балконные перила. Дождь ударил по затылку, заставив нырнуть обратно. Последняя гроза не принесла свежести. Приевшийся за день жуткий запах по-прежнему был всюду.

Нери с тоской взглянул на пожухшее поле за оградой. Бурая гладь, пестрящая цветами календулы, простиралась до горизонта, заканчиваясь обрывом. Ниже лежали лишь океан и странное место, которое они называют Пропастью... Из-за горизонта валили едкие клубы чёрного дыма. Кажется там творится что-то странное!

Но почему тогда Анацеа бездействует?! Почему тратит драгоценное время на разборки с ними? Одно из двух: либо он придаёт слишком большое значение этим странным вещам, либо...

Или всё настолько страшно, что Совет стремится всеми силами огородить жителей Девятого Холма от массовой истерии.

Это больше похоже на правду.

Руки вцепились в решётку, мокрую от дождевых капель. Знакомая боль тут же дала знать о себе, но Нери был рад ей. Она отрезвляла. Ненавистное гудение нервов на басах напоминало о том, что он ещё жив. Всё происходящее сейчас – не сон. И не галлюцинация.

Нери втянул воздух, пропитанный едким, всё ещё незнакомым запахом. Страх на мгновение отступил, разрешив отдышаться.

Скрип двери прорезался сквозь шум дождя. Знакомый, до одури пьянящий запах розового масла накрыл с головой. Нери опустил взгляд и заметил чёрную пышную юбку в пол, украшенную гипюровыми рюшами.

– Я не смогла, – две чёрные вишни пристально уставились на него.

– Плохо, – подытожил Нери, удивляясь тому, как удаётся сохранять самообладание и спокойствие. – Значит, мы не сможем спасти ни Мию, ни твоего брата. И нам тоже не поздоровится. В первую очередь, тебе.

– И что будет дальше? – голос Кантаны дрогнул.

– Не ты ли рассказывала о законах Девятого Холма? – Нери невесело ухмыльнулся, подставляя лицо дождю.

– Думаешь, они осмелятся нас наказать? – Кантана сжала губы.

– Устой, Положения, что там ещё? – Нери пожал плечом. – С твоим братом всё решено и так. В лучшем случае ты присоединишься к нему. Ну а меня и Мию, наверное, принесут в жертву. Чужеземцы здесь не нужны.

Последние слова дались Нери с огромным трудом. Губы едва шевелились, а голос будто стал чужим. Сиплый звук утонул в нарастающем шуме ливня.

– Высокомерные чужеземцы не нужны точно! – Кантана задрала нос в небо.

– А высокомерные местные? – парировал Нери, не разжимая зубов.

– Слушай, Нери, – вскипела Кантана, – мне надоело уже спасать ваши задницы. Сели мне на шею и одни проблемы создаёте.

– Это ты, кажется, нас сюда затащила, – напомнил Нери. – Мы бы и без тебя перекантовались.

Взгляд Кантаны прожигал, как лазер. Нери ненавидел этот пристальный взор: каждый раз, когда она начинала подражать своей матери и её манере держаться, у него дрожали и подгибались колени. Как у пре-имаго, впервые решившего поцеловать женскую особь, несмотря на систему мораториев.

– Да и кто тут кого спасает? – добавил он, едва сдерживая издевательский смех. – Хочешь, я прямо сейчас выложу твоей матери всю правду? Нас с Мией это, конечно, не выручит, а твоего брата – тем более; но хотя бы упрекать нас больше никто не будет. Достало жить в вечном унижении, честно!

Победно ухмыльнувшись, Нери стрельнул глазами. Он надеялся, что взгляд получился обжигающим и резким, как контрольный выстрел.

– Покровители исцеляют унижением тех, кто ставит себя слишком высоко! – Кантана отвернула лицо и, в ярости сжав губы, ударила облицовку балкона. В ту же секунду раздражение сменила гримаса боли.

– Поосторожнее, руку сломаешь, – съязвил Нери, наблюдая, как струйки дождевой воды сбегают по кованой решётке.

– И свалился же ты такой на мою голову! – процедила Кантана.

– Кто виноват-то? Это я, что ли, ваши дурацкие Устой и Положения нарушил? – Нери фыркнул, уставившись на расплывающееся по небу облако дыма. – Это я предавался запретным вещам?

– Нери. Я – Длань, – произнесла Кантана раздражённо. – И не могу даже об этом сказать. Они ждут меня. Я могу помочь родному городу, и это действительно то, что я желаю сделать! В первый раз в жизни я уверена, что хочу совершить этот шаг! Меня могли бы уважать и ценить. А что теперь? Мне подавиться этой магией, которая так сильна, что даже не подчиняется моей воле?! Просто смотреть, как люди вокруг умирают, да?!

– Ты ещё тщеславнее меня, я вижу, – Нери покачал головой. – Я бы думал прежде всего о безопасности. Или о том, как смыться куда-нибудь незамеченным... Но уж точно не о славе!

– Не смешно! Это же люди! Весь город может слечь!

– Вот именно, что не смешно, – Нери уже начал забавлять этот диалог. – Ты уверена, что альтернативы тебе нет? Пару раз открыла хиленький портал, и сразу возомнила себя Дланью. Может, ты не Длань вовсе?

– Я постоянно делаю это! – щёки Кантаны пылали.

– О, так ты у нас ещё и рецидивистка? – процедил он с усмешкой.

Кантана отвела глаза, пережёвывая проигрыш. По крайней мере, Нери надеялся, что она осознала его правоту. Отбирать силой – вот всё, что она умеет. Брать без спроса – единственная роскошь, которую может позволить. Видали таких!

– Я таких слов не знаю, – буркнула она.

– Рецидивист – это тот, кто не соблюдает мора... Нарушает Устои и Положения постоянно, – пояснил Нери. – Не слишком мудрая особь, которую жизнь ничему не учит. Тот, кто с успехом наступает на одни и те же грабли по десять раз подряд. В Иммортеле серьёзнее ко всему относятся: твоё имя уже давно висело бы на Доске Нарушителей.

Кантана вскинула руки к намокшим волосам и злобно зыркнула на Нери. Нити дождя запутались в её локонах. Если бы Нери встретил Кантану в Иммортеле при других обстоятельствах, он счёл бы её красивой. Очень красивой.

Интересно, а есть ли у неё в Иммортеле дубль, как у его сестры? Может быть, вторая Кантана не столь заносчива?

– Пожалеешь ещё, – сдавленно проговорила Кантана. – Покровители наказывают насмешников.

– Боюсь, что уже не успею пожалеть, – Нери пожал плечом. – Если наш план сорвётся, завтра я отправлюсь в расход. Вместе с Мией. А ты – в другое место. Как с этим справиться, придумать не могу.

Кантана побледнела.

– Надо как-то взять всё в свои руки, – процедила она сквозь зубы. – Я хочу жить.

– И я хочу, – Нери уставился заледеневшим взглядом вдаль: туда, где кончалось поле, переходя в невесомость. – Поэтому продолжай тренироваться. Пытайся. Ты – единственная, кто сможет привести план в исполнение. Мы с Мией должны оказаться дома как можно скорее. Элатар должен освободиться и получить ещё один шанс. А ты должна от нас избавиться и жить дальше, не вспоминая эти дни и не преступая больше допустимых рамок. Если, конечно, твоя мать ни до чего не донюхается. Что мы сделаем ещё, если ты не сможешь открыть портал сегодня ночью?

Лицо Кантаны окаменело. Глаза уставились на верхушки берёз, раскачивающиеся от ветра. Ладони сжали балконные перила: вода заструилась меж тонких пальцев. Потоки дождя бежали по щекам, как слёзы. В этот момент она казалась особенно нежной, мягкой. Нери задумался, залюбовавшись ею: воспоминания о первом дне знакомства, когда Кантана разъярённо кидалась на него с ножом, казались сейчас вымыслом.

– Он же там... – произнесла Кантана отрешённо. В её зрачках снова блеснул огонёк решимости. – Элатар. В пропасти, среди чужих. Один, совсем один...

– Что? – переспросил Нери, наконец, очнувшись от нежной иллюзии, так напоминавшей галлюцинацию.

– Азаэль на Пути сегодня вечером, – Кантана прикусила губу, – он, наверное, сможет нам помочь. Если он встанет на нашу сторону, мы выведем Элатара без портала! Я хотя бы немного облегчу себе задачу.

– А-за-эль, – Нери фыркнул, представив слащавую физиономию. – Вот уж его посвящать в наши планы не надо. Как этот наивный дурачок нам поможет?

– Не знаю пока, – Кантана выглядела решительно, – но надо что-то делать. Азаэль может подкинуть идей. Он знает больше, чем я думаю. И гораздо умнее, чем ты считаешь. Одна голова хорошо, две – лучше.

Холодная капля разбилась о кончик носа, разлетевшись на мириады искр. Нери словно перенёсся назад во времени на долю секунды. Мимолётная иллюзия уволокла туда, где было электричество и не существовало девчонки в чёрных одеждах.

– Хоть в чём-то ты права, – Нери подставил лицо морозящему дождю, – у одного из стоящих на этом балконе головы точно нет. И этот кто-то – не я.

– Мой долг – спасти Элатара, – Кантана, казалось, не обращала на издевательства внимания. Её голос приобрёл былые игриво-самоуверенные нотки. – Какую бы цену ни пришлось

заплатить за его свободу. И отправить вас восвояси с Девятого Холма. Сегодня и ни минутой позже!

– Иди, если приспичило, – Нери беззаботно махнул рукой. – Ступай, выложи всё своему Азаэлю. А я посмотрю, как он расскажет твои секреты Анацеа.

– Ну и пойду!

– Кантана, ты сейчас прикрываешь не только то, на чём сидишь, – Нери покачал головой, – но и нас с Мией. Не забывай об этом.

– Ему можно доверять, – заметила Кантана. – Точно.

– Да иди, коли так. Держу я тебя, что ли?!

Кантана выгнулась. Беззастенчивая улыбка заиграла на губах. Она торопливо связала волосы в небрежный пучок. Казалось, она не обращала на Нери внимания. Но у него хватало разума, чтобы понять: августейшая только и думает, как бы заставить его плясать под свою дудку. А уж насколько её раздражает отсутствие контроля, Нери и представить себе не мог.

Это было истинное противостояние, и Нери пока вёл в счёте.

Но следующая минута изменила всё.

Кантана перекинула ногу через перила, собрав юбкой дождевую воду. А потом – навалилась животом на перекладину и перенесла свой вес на другую сторону ограждения.

– Думаешь, я запаникую и кинусь доставать тебя? – только и успел проговорить Нери.

– Нужен ты мне, – дерзко усмехнулась Кантана и перекинула вторую ногу.

Не успел Нери сообразить, что к чему, как она стремительно прыгнула вниз, прямо в цветочную клумбу. Юбка раздулась в полёте, как парашют, сделав её похожей на большую чёрную медузу. Кантана ловко приземлилась меж грядок с засохшими цветами и, удержав непонятным образом равновесие, присела на корточки. С высоты она напоминала одинокого воронёнка в огромном гнезде.

– Вы не ушиблись, госпожа? – с деланным небезразличием выцедил Нери.

Кантана выпрямилась. Ответ давать она не собиралась. Приподняв намокшие края юбки, она поспешила к ограде. Без особых усилий взлетела наверх. Нери снова удивился, как она умудряется проворачивать такие трюки в неуклюжем тяжёлом балахоне.

Развесив чёрный полукруг юбки на ограде, Кантана ловко оседлала забор. Победно развернула лицо к Нери, поправляя выбившиеся из пучка пряди.

– Я пошла! – закричала она сквозь дождь.

Нери недовольно опустил глаза. Ишь ты, манипуляторша нашлась!

– Ну и иди! – крикнул он в ответ. Поддаваться на дешёвые провокации не входило в его планы, хотя магический аркан сладких речей тянул всё ближе, высасывая душу. Добавил на всякий случай: – Спасать тебя я не намерен!

– Вот и посмотрим, Нери, – Кантана чёрной бабочкой приземлилась на противоположной стороне забора. Движение снова получилось виртуозным. Видать, выделявала такие пируэты не впервые.

Фигурка Кантаны становилась всё меньше, отдаляясь, а в груди Нери закипала тревога. Гремучий случай: вечно металась между двух огней, и тут наконец-то решилась! Да, точно решилась! Вот она вошла в сухую поросль, заботливо подобрав юбку. Будто специально крадется. Издалека – ну, точно обложка женского романа.

Нери помотал головой, отгоняя остатки дремоты. Наворотит она дел... И хорошо, если не попадёт под трибунал. Чтобы быть настолько непоследовательной, определённо, нужен талант.

– Диссоциантка... – прошептал он.

Силуэт Кантаны почти растворился за стеной дождя. Как во сне, Нери заметил, что она кокетливо обернулась через плечо. Он не различал лица за дрожащим занавесом капель, но готов был поклясться, что надменный взор выстрелил в него. И попал.

Она ждала. Юная госпожа Бессамори всегда получала желаемое. Это её дурная привычка.

Дурная привычка Нери – помогать.

А ещё он боялся, что Кантана выдаст их с Мией. Она не оставила ему выбора. Умеет ли она вообще думать?

Закусив губу, Нери перекинул ногу через решётку. И шаг девушки будто бы замедлился. Вот она, не оборачиваясь на особняк, накинула на голову капюшон...

«Точно, манипулирует! – отрывками пронеслось в голове, когда Нери, несмело оторвав ноги от опоры, приземлялся на покрытую щебнем дорожку. Он оказался не столь ловок: голень пронзила острая боль, а джинсы лопнули на колене. – Это у неё в крови. Я повёлся, как дурачок! Но как я ещё должен был поступить?! Как?!»

Стараясь сдерживать злость, Нери выпрямился и поспешил к забору.

2

Прихрамывая после неудачного падения, Нери ворвался в гущу полевых трав. Оранжевые точки цветков по обе стороны стремительно убегали назад. Он оказался прав: Кантана несколько замедлила шаг, но по-прежнему двигалась, не оборачиваясь. Заранее предполагала, что он нагонит.

Обыграла.

Чашечки цветов склонились к земле под тяжестью капель. Пожухшая трава напиталась водой. Алый диск солнца, вырвавшись из туч, приближался к горизонту. Дождь почти закончился, и теперь лишь редкие капли напоминали о недавней непогоде.

– Кантана, стой! – окликнул Нери. Он задыхался от быстрого бега.

Девичья фигурка остановилась метрах в тридцати впереди, развернулась лицом к нему и демонстративно упёрла руки в бока.

– Подожди! Я на пределе сил! – почти умоляюще прокричал Нери, презирая себя за сопливую сентиментальность.

Кантана покачала головой. Капюшон свалился ей на плечи.

– Эх, Нери. Стоило ли ломаться? Это я должна быть кисейной барышней, а не ты.

– Я должен был предупредить, что толку от твоего похода не будет! – Нери старался восстановить дыхание. – Пустая трата сил и времени. А ещё это опасно. Давай вернёмся и продолжим тренироваться. Лучше вытащим Элатара сюда.

– Ничего ты не понял, – Кантана с неожиданным спокойствием подняла глаза, – может, я просто решила надышаться перед смертью?

– Надышаться?!

Кантана сорвала цветок и пересчитала пальцами оранжевые лепестки.

– Что, если ты прав, и завтра не наступит? – она склонила голову.

Нери пожал плечами:

– Нужно, чтобы этого не случилось. Мы должны выпутаться. Сейчас мы за одно. Понимаешь?

– Ну, так сообрази что-нибудь, – Кантана энергично раскидывала туфельками упавшие лепестки, обломки травяных стеблей и грязь, – Я думать устала. Ты же у нас самый умный. Я не хочу терять эту жизнь.

Их глаза встретились. По коже, оголяя нервные окончания, пронёсся холодок.

– Здесь я очень плохой помощник. Как ты не поймёшь, – Нери раздосадовано махнул рукой, – всё сейчас зависит только от тебя.

– Но должен же быть и какой-то другой способ, – Кантана улыбнулась, втыкая цветок в волосы. В её ухмылке сквозила лисья хитрость. – Или кишка тонка додуматься?

– У нас был хороший план, – произнёс Нери, придавая голосу твёрдость. – Доступный и рациональный. Если бы ты смогла открыть портал, мы выручили бы и Мию, и Элатара. К утру ты уже забыла бы о нас, и каждый вышел бы без потерь. Всё или ничего. Ещё не поздно остановиться, Кантана. Не старайся переложить всю ответственность на меня. Не маленькая.

– Может, я не хочу забывать? – шёпотом ответила Кантана, и Нери трянуло, как в лихорадке.

«Есть вещи, которые заставляют тебя гнить заживо», – всплыл в памяти голосок Мии. Лицо подруги возникло перед глазами, как кадр голограммы. Мог ли Нери предположить, чем всё обернётся, когда встретил её в столовой? Мог ли думать, что Миа станет его лучшим другом и союзником?! И что он предаст её так глупо...

Он обязан спасти её. Во что бы то ни стало!

Не только обязан, но и обещал. Обещал...

Цветки редели. Теперь меж ростков проглядывали проплешины сырой земли. Закат добавил пейзажу красных оттенков. Башня на фоне грозовых облаков выглядела зловеще.

Нери и Кантана вышли на узкую тропку, присыпанную галькой. Кантана вытерла грязь с обуви крупным листом неведомого растения и, разжав ладони, отпустила юбку. Растрёпанный цветок по-прежнему торчал в её волосах.

– Нери, – выговорила Кантана на редкость серьёзно, – ты в самом деле считаешь, что без портала у нас ничего не получится?

Её голос не дрогнул. Возможно, Кантана лгала. Но отчего-то казалось, что одним нечаянным словом он способен погубить её веру в хороший исход. И заставить мобилизоваться тоже!

– Это слишком категорично, – изрёк Нери. – Я имел в виду то, что мы можем всё исправить. Если постараемся. Многие сейчас зависят именно от тебя. Но, как бы ты меня не костерил, я в тебя верю.

В глазах Кантаны блеснул огонёк надежды. Шаркнув по камням, она развернулась. Прежде, чем Нери успел сообразить хоть что-то, Кантана положила руки ему на плечи. Едва касаясь шеи, расправила воротник рубашки. Холодок её кожи скользнул там, куда чуть больше недели назад вошло лезвие ножа. Сумасшедшая дрожь побежала по телу, словно разряд в двести двадцать вольт. Нери закрыл глаза, презирая себя за то, что не хочет прерывать это сладостное мгновение.

– Как бы мы с тобой ни ссорились, мне нужна твоя вера, – губы Кантаны тронула едва заметная улыбка. Она без смущения смотрела прямо в глаза.

Молния разрешила небо пополам фиолетовой линией. Кажется, гроза вернулась. Не прошло и секунды, как оглушительный разряд грома сотряс воздух.

– Покровители благословляют нас на свершение! – воскликнула Кантана, отстраняясь. – Мы должны идти на Путь. Хотя бы для того, чтобы не промокнуть.

Она рванула к Башне, раскидывая ногами гальку.

– Это всего лишь гроза, не драматизируй, – отозвался Нери. Он едва поспевал за нею: нога всё ещё ныла. – Доказано, что наша жизнь не управляется никем, кроме нас самих.

– Ты оскорбляешь такими заявлениями Покровителей, – Кантана сдвинула брови. – Ты отрицаешь всю высшую составляющую, как таковую. Тогда почему ты идёшь сейчас спасать свою подругу?

– Альтруизм – это инстинкт. Выживание в одиночку бесперспективно, поэтому он заложен в природе человеческих особей, – высказался Нери.

Укоризненное личико Мии снова всплыло в памяти, как маяк. Он врал Кантане. Бессовестно врал...

Багровые лучи заката растаяли в ворохе набежавших туч. Зловещий силуэт Башни медленно приближался. Цветущее поле осталось позади. Тропинку теперь обрамляли иссохшие пучки вереска и поникшие полевые цветы.

– Говорят, что до Возмездия к началу годового цикла всегда выпадал снег, – задумчиво произнесла Кантана, поддев носком сухой цветок. – Ты когда-нибудь видел снег, Нери?

– Каждый Новый Год вижу, – Нери пожал плечом, стараясь не упасть под потоками ураганного ветра. – Его привозят на главную площадь Иммортеля с городского хладокомбината.

– Он даже не падает с неба? – разочарованно протянула Кантана. – Значит, нам сказки рассказывают?

– Нынешний климат не позволяет, – пояснил Нери. – До Пере... до Возмездия зима... Ну, то есть, первый сезон, как у вас говорят, был более холодным. Мне сложно представить, как в таких условиях выживал человеческий вид, но это не миф. Я не видел, как идёт снег. И мать моя не видела. Снегопадов нет уже много десятилетий.

– Знаешь, о чём я всегда мечтала? – Кантана окинула Нери лукавым взглядом. – Я хочу, чтобы снегопад ознаменовал мою смерть.

– Брр, – он поёжился. – Ты ненормальная. Даже у меня нет суицидальных мыслей.

– Мама говорит, что смерть может забрать нас в любую секунду. Я считаю, что если уж умирать, то эпично, – Кантана улыбнулась, поправив цветок в волосах.

Ещё одна молния разрезала скопища туч зловещей стрелой. На этот раз раскат грома не заставил себя долго ждать. Вибрация с рокотом разнеслась по полю, коснувшись земли, и с дребезжанием поднялась обратно в небеса. Вторая волна грозы шла по пятам!

– Быстрее, Нери, – Кантана с тревогой поглядывала на сгущающиеся тучи.

– Не указывай, что ли, – выдавил Нери.

Кантана самодовольно хмыкнула и рванула к Башне, чудом не запутавшись в одеждах. Длинная юбка парусом развевалась за её спиной, собирая сухие листья и обломленные стебельки трав. Нери, неуклюже прихрамывая, помчался следом. Свет заходящего солнца, едва проглядывающий сквозь тучи, резал глаза.

До пункта назначения оставалось каких-то шестьдесят метров. Нери, щадя пострадавшую ногу, наконец, позволил себе сбавить темп. Кантана ушла далеко вперёд и издали напоминала взлохмаченного ворона.

– Быстрее! – прокричала она сквозь свист ветра. Чёрная фигурка замерла у Башни.

Издалека Нери увидел, как Кантана торопливо подбежала к иллюминатору, наполовину ушедшему под землю, и достала из-под накидки исчерченный кусочек тотли кожи, то ли бумаги. Приложив странную вещицу к перегородкам, она крепко прижала её ладонями и уставилась в темнеющее небо. Когда из-под пальцев вырвалось свечение, иллюминатор распахнулся вовнутрь, обнажая чёрную пасть прогала.

Задыхаясь от быстрого бега, Нери подоспел к Башне. Первые капли дождя упали на землю за его спиной.

– Ты первый, – Кантана показала на проём, подёрнутый тьмой. – Прыгай, не бойся!

3

Когда первые раскаты грома пронесли над садом, и по подоконнику застучали дождевые капли, Анацеа снова начали мучить подозрения.

Сначала она думала, что это – лишь реакция на произошедшее утром. Потом убеждала себя, что странное чувство – предвестник гемикрании, что напоминала о себе каждое межсезонье. Однако Анацеа обманывала сама себя: она знала причину странного самочувствия. Нарыв назрел и готов был лопнуть, извергая потоки гноя. Правда плавала рядом, и чтобы увидеть её, нужно было лишь повернуть голову.

Только сделать это страшнее всего. Потому что истина изменит и сломает всё.

Страх прорастал всё глубже по мере того, как день снаружи похищала влажная сиреневая тьма. Казалось, что сумерки вливаются сквозь кожу, застаиваясь в венах. Наверное, именно так душа трещит по швам, теряя всё лучшее, что даровали Покровители.

Прятаться дальше нельзя.

Анацеа обессилено лежала на коврике у камина, пытаясь сопоставить факты. Как противостоять разрушительной силе, что в секунду уничтожила всё?! Как заставить себя поверить, что вины в происходящем нет?! Ответ приходил один – никак. Невозможно убедить себя во

лжи. Много циклов она прожила в иллюзорном мире. Осталось лишь согреть трясущиеся руки у огня и принимать очевидное, как данность. Пытаться принять.

Миа – не Длань Покровителей. Фатальная ошибка свершилась. Три потока – многовато даже для такой необычной девочки.

Но кто тогда?

Вывод был один. И она давно это знала.

– Нет, – проговорила Анацеа в тёмную пустоту гостиной. – Нет...

«Ты знаешь это, – упрямо нашёптывали мысли. – Открой разум. Прими это. Уступи себе. И пойми, что правда не всегда бывает такой, как хочется».

Анацеа прогоняла неслышимые голоса из головы, концентрируясь на танцующих в темноте языках пламени, но они возвращались. И с каждым разом прилив оказывался более мощным. И всё больше сил требовалось, чтобы поднять голову и вдохнуть воздух.

Младенец. Младенец с полным ртом зубов...

«Ты знаешь это. Впусти ответ в свою голову, Анацеа!»

Покойная мать говорила, что смирение пред волей Покровителей – главное оружие женщины. Только теперь Анацеа поняла мудрость этих слов. Но не слишком ли часто приходилось Анацеа Бессамори мириться с откровенными издевательствами Покровителей? Не слишком ли много они отобрали у неё?!

Теперь выхода не было. Только один: принять. И, может быть, простить.

Она догадалась ещё тогда, просто не позволила правильным выводам выйти из тени эгоизма. Анацеа вспомнила злосчастный день. Озадаченное и одновременно рассерженное лицо Мии. Непозволительная дерзость, рвущаяся изо рта девчонки. Портал, задрожавший в воздухе, едва дверь распахнулась и зашла... Кантана?

Да. Кантана.

Правда накрыла, толкнула в бушующий океан и поволокла в водоворот, но, как ни странно, не принесла боли. Если бы Анацеа спросили об этом, она наверняка отрицала бы, но она приняла это уже давно. Гораздо раньше, чем позволила мыслям очертить всё в красках и породить вывод. Лелеять надежду на хороший исход всегда приятнее, чем смотреть в лицо горькой правде.

Восемнадцать годовых циклов Кантана жила с ней бок о бок. Восемнадцать циклов молчала. Не каялась, не просила совета, не умоляла укрыть. Просто молчала. Осознавать это намного больнее, чем избранность дочери.

Кантана – Длань Покровителей. Всё встало на свои места и теперь казалось очевидным и отчётливым! Много циклов Анацеа была слепа.

Анацеа перевернулась на бок и застонала в нагретый воздух. Встать не хватало сил. Она ненавидела себя за непроходимость. За самообман. И за то, что чуть не подвела под черту любимый город.

Фиолетовая слюда заволокла небо. Молнии рвали облака на куски. Когда они прокрадывались сквозь завесу туч и освещали гостиную, накаляя воздух, становилось жутко. От пустоты, скопившейся внутри. От яда недоверия.

4

Стоило ногам коснуться пола, как снаружи зашумел ливень. Раскат грома спрессовал воздух, распространив запах озона. Что ни говори, всё происходит своевременно.

Кантана ловко сиганула в иллюминатор вслед за ним. Торопливо закрыла перегородки, погрузив непонятный отсек в полный мрак, и шумно перевела дыхание.

– Бр-р... – процедила она брезгливо.

– Промокла? – выдавил Нери во тьму.

– Есть немного, – Кантана шмыгнула носом. – Мы так и будем в темноте стоять?

– Это у тебя надо спросить, – Нери наконец нашёл опору у стены и теперь не чувствовал себя подвешенным в невесомости.

– А как же твой волшебный пипидастр? – удивилась Кантана.

– Что-что, прости? – фыркнул Нери.

– Доставай волшебный пипидастр, – Нери почувствовал, как наглые ручонки ощупывают его в темноте.

– Ты с ума сошла? – он не без возмущения отстранился. – Что за жаргон? Что за запросы?

– Что такого-то? – не поняла Кантана. – Он ведь прекрасно светит в темноте. Лучше свечи, намного. Когда ты посветил мне в лицо, я чуть не ослепла.

– Ты про... – Нери прыснул, – коммуникатор?

Нери осторожно извлёк из кармана джинсов мультикоммуникатор. Он держал его выключенным с того момента, как они вышли в новый мир, надеясь, что однажды сохранившийся заряд сможет его выручить. И вот, подходящий момент наступил. Дисплей мультикоммуникатора мягко засветился во тьме, озаряя пространство.

Они находились в полукруглом отсеке с мраморным полом. Луч отпрыгнул от стены, осветив потрескавшуюся штукатурку с объёмной, почти музейной лепниной. Прямо по курсу чёрным квадратом зиял проём. Перегородок не было, лишь на косяке справа моталась, повиснув на единственной петле, тяжёлая дверь старого образца.

– Что это был за блок раньше? – не удержался от вопроса Нери. Он разглядывал ветхие обломки мебели и обрывки бархата, заботливо сгруженные в дальнем углу.

– Блок?! Говорят, что дом культуры, или что-то в подобном роде, – отозвалась Кантана.

– Может, так оно и есть. Помнишь библиотеку?

– Никогда её не забуду, – недовольно буркнул Нери.

– На одном из этажей я видела почти уцелевший рояль, – поделилась Кантана. – Там ещё кресла стоят рядами. Словно раньше здесь давали концерты.

Она поддела ногой проплевневелый осколок и с отвращением отпихнула его в угол. Послышался неприятный шорох. Из вороха обломков и ветоши вылезла, недобро сверкая бусинками глаз, жирная крыса. Семеня лапками по мрамору, животное нырнуло в щель. Голый хвост юркнул следом.

Кантана фыркнула, прикусив губу. Нери сделал несколько шагов назад.

– Тут такого добра полно, – пробормотала Кантана, – особенно внизу.

– Я помню, – Нери отвёл взор. – Не слишком приятный сюрприз.

– Давай я пойду вперёд? – Кантана, не дожидаясь ответа, выхватила из рук Нери мультикоммуникатор. Экран тут же замигал и погас. Вернулась насыщенная темнота.

– Защита сработала, – сообщил Нери спокойно. – Антивор. Отдай, пожалуйста. Он активен только в моих руках.

Кантана нехотя нащупала в темноте его руки. Нери был рад тому, что она не видит его покрасневшего лица. Не слишком ли часто она стремится к физическому контакту?

Дисплей снова загорелся широким прямоугольником. Фотография хорошенькой блондинки растянулась по нему, вызвав приступ тоски по дому.

Кантана с любопытством заглянула через плечо. На губах её заиграла лукавая улыбка.

– Кто эта девушка? – поинтересовалась она. – Как она поместилась в такую маленькую коробочку? Почему не шевелится?

– Не имеет значения, – Нери махнул рукой, пытаясь отвязаться от неудобных вопросов. Она не должна знать, что скрывает это фото на самом деле. – Пойдём!

Внутри засадило от воспоминаний, когда Нери увидел фото Лизаветы. Старая боль была похоронена, но, видимо, недостаточно глубоко. Кантана купилась на этот смутный призрак жизни и теперь хочет открыть его запретные блокираторы. Становилось страшно от мысли, что она сможет увидеть всё то, что за ней скрыто... Потому что она точно знала, как.

Но, может, это к лучшему. Отчаянно хотелось, чтобы хоть кто-то раскрыл его: настойчиво и упрямо, но не с ноги. Слишком много хлама внутри скопилось. И ценного, потерявшегося в горах мусора.

Они пересекли отсек, перешагивая через кучки лежалого крысиного помёта и ветошь. Впереди расстелилась лестничная площадка, обрамлённая мраморными перилами. Глубокие трещины в камне угрожали с минуты на минуту обрушить всё великолепие. Вниз вела широкая лестница. Некогда белоснежный мрамор запылится от времени. Растрескавшиеся стыки плит обнажали шероховатый бетон.

– Вот мы и на Пути, наверное, – не удержался от ироничного комментария Нери. – Ты ведь этого хотела, так?

– Я не тянула тебя сюда, заметь, – усмехнулась Кантана. – Ты сам за мной увязался.

Как же тонко она умеет играть на струнах его воли! Нери почувствовал себя сломленной марионеткой в цепких пальчиках.

– Ты всегда так нахально используешь человеческих особей? – выдавил он, стараясь тщательно подобрать выражения.

– Нери, не бесись. Ты сам пошёл за мной, – Кантана мягко улыбнулась. – Будь осторожен: тут всё ветхое и держится на честном слове.

– Уже вижу, – Нери издевательски ухмыльнулся в ответ. – Трещины сплошные.

Нери осторожно поставил ногу на первую ступень, освещая путь мультимедийным коммуникатором. Кантана уверенно шла следом, подобрав юбку.

– На первом этаже – печать, – предупредила Кантана. – Если считать сверху, седьмая ступень. Пустишь меня вперёд. Я сниму её, у меня ключ.

– И откуда у тебя он, скажи на милость? – Нери дерзко взглянул на неё. – Только не говори, что непосвящённым разрешают пользоваться всякими там магическими артефактами.

– А такими не разрешают вообще никому, кроме членов Совета, – усмехнулась Кантана. – Мать обронила его в саду, а я нашла.

– Нашла и не вернула? – Нери осторожно переставлял ноги. – Значит, украла?

– Если вещь попала тебе в руки, и никто об этом не знает, зачем её возвращать? – Кантана хрипло рассмеялась в полумраке.

– Твой хитромудрый дружок Азаэль наверняка выведал всё! Он запросто тебя выдаст. Я бы на твоём месте ему не доверял...

– Да ладно, – Кантана хихикнула. – Он на моей стороне с самого начала. Поверь, у меня есть методы, чтобы держать этого бедолагу при себе.

Коммуникатор в руке Нери на мгновение погас. Тьма окружила, и Нери чуть не споткнулся на ступенях.

– Дурацкий ждущий режим, – прокомментировал Нери, снова возвращая коммуникатор в готовность.

Фотография Лизаветы растянулась по рабочей поверхности. Как же Нери её ненавидел!

– Нери, – внезапно проговорила Кантана, не спуская взгляд с экрана, – у вас ведь были отношения?

Нери опешил. Он так эффектно ушёл от нежелательной темы, а в итоге оказалось, что Кантана куда более настойчива!

Колени задрожали.

– Очень давно, – соврал Нери, чтобы хоть что-то сказать.

– Лукавишь, – Кантана сощурилась. – Вижу, что ты нечестен со мной. Она ведь ждёт тебя по ту сторону, да?

– Не ждёт, – отрезал Нери, отводя взгляд.

– Она подобрала себе другого мужа? – продолжала Кантана допрос. Интонации её голоса звучали настолько располагающе и тепло, что Нери невольно захотелось ей довериться. Но он

по-прежнему отдавал себе отчёт в том, что любое сказанное им слово может быть использовано против него же самого.

– Мы сами выбираем себе партнёров для отношений. Она покинула меня, потому, что у меня неидеальная генетика.

– Генетика? – Кантана удивлённо вскинула брови.

– То есть, у меня могут родиться тяжелобольные дети, – пояснил Нери, по-прежнему не поднимая глаз.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Кантана. – Ты не соблюдал Устоев и Положений? Гневил Покровителей? Выкрикивал запрещённые ругательства?

– Если бы всё этим определялось, – опустив руки, Нери хлопнул себя по бёдрам. – То, что вы считаете учением Разрушителей, даёт ключи ко многим вопросам.

– Не будь так горделив, – ответила Кантана. – У нас есть доступ к знаниям, о которых вы не имеете понятия. Всё потому, что мы отrekliсь от Разрушения.

Стены, покрытые толстым слоем растрескавшейся штукатурки, медленно уплывали назад. Время от времени, в тишине всплывал шорох: крыс тут действительно было навалом... Под ногами хрустели мелкие камушки. От насыщенного запаха сырости и вековой пыли чесалось в носу.

– Но ты-то не отреклась, – едко проскрипел Нери. – Благодарю своих Покровителей, что тебя никто не засёк.

– Несчастный ты, – выдохнула Кантана то ли с состраданием, то ли с сарказмом, – так молод, а уже потерял.

Нери не хотелось знать, что означали её слова.

Площадка под ногами внезапно оборвалась, переходя в глубокий разлом. Противоположный берег проглядывал сквозь тьму метрах в четырёх впереди. Лишь ближе к стене сохранилась небольшая перемычка между двумя островками.

– В прошлый раз пол был целым, – отметила Кантана. – Всё обветшало.

– Я помню, – Нери кивнул, освещая зияющую пасть пропасти, обрамлённую мраморными осколками зубов. – Недолго башенке осталось.

Кантана предусмотрительно отошла назад, прижавшись к стене. Нери нехотя последовал её примеру.

– Нери, – Кантана смело вскинула лицо и ошпарила его взглядом, – я же вижу, что ты хочешь поговорить об этом. Хватит мельтешить и уходить в сторону.

Они медленно перемещались вдоль стены, преодолевая пропасть разлома. Из разверзнутой темноты разило сыростью и мелом. Мелкие камушки сыпались из-под ботинок, срываясь с края и улетая в пустоту. Казалось, что тонкая перемычка пола может в любой момент обрушиться под ногами, а смерть – настичь. И это жуткое ощущение было куда явственнее обступившей темноты.

– О чём? – вырвалось у Нери. Кантана, похоже, знала о нём больше, чем он мог себе вообразить. Сейчас она читала его, как раскрытую книгу.

– Включать дурочку – моя прерогатива, Нери, – Кантана остановилась на полпути и тепло улыбнулась.

Комок встал в горле. Дрожь в коленях стала невыносимой. Нери глубоко вдохнул и остановился, прижавшись к стене.

– Ты изменился в лице, когда включил волшебный пипидастр, – пояснила Кантана. – И когда увидел эту девушку. Я лишь хочу помочь выпустить твою боль. Если не хочешь этого, можешь молчать и дальше.

Удушье сдавило плечи. Эта пре-имаго, конечно, не самого интеллектуального пошиба, но её пронизательность поражает!

– Может, ты ещё и мысли мои читаешь? – прохрипел он.

Кантана одарила его вопросительным взглядом. Всё та же добрая улыбка скользнула в уголки её рта.

– Я просто пыталась немного подлатать пропасть между нами, – произнесла она. – Мы ведь не ненавидим друг друга, просто ершимся и бунтуем. Продолжать в прежнем ключе губительно, ведь сейчас мы за одно.

– Мои раны кровоточат, – выпалил Нери, сам от себя такого не ожидая. – Не ковыряйся в них.

Он замолчал. Все страдания, бессонные ночи и головные боли уместились в жалкую пару фраз. И как тяжело было признать это! Но груз, тем не менее, рухнул с души. Волна жара отступила. Нери торопливо перевёл дыхание, борясь с удушьем:

– Ты ведь этого от меня добиться хотела?

– Прости, – сухо выцедила Кантана.

– Мне легче, – подытожил Нери, пытаясь сгладить неловкость.

– Так-то лучше, – былой задор и ехидство покинули Кантану. – Пойдём дальше.

Они осторожно преодолели остаток пути и вожделенно перенесли ноги на площадку. Нери последние шаги дались сложнее: дрожь в коленках всё ещё давала о себе знать. Последние камушки улетели в темноту с лёгким поскрипыванием. Нери услышал, как они ударились о пол первого уровня, и, громко шурша, раскатились по площадке.

– Да уж, – недовольно пробурчала Кантана. – Находиться здесь опасно. Кто даст гарантию, что всё здесь не обрушится, пока мы будем снаружи?

Впереди появилась знакомая дверь в библиотеку: тяжёлая, резная, перекрытая поперечной перекладной. Стены выглядели ещё более устрашающе: глубокие трещины местами поросли мхом, штукатурка покрылась чёрно-зелёными налётами плесени. Разломы, как лучи, бежали по уцелевшему островку площадки, угрожая разобрать его по камушкам в любую секунду.

– Теперь я вперёд, – Кантана пожала плечом. Она беспринципно нырнула рукой в вырез платья, выудив знакомый кусочек непонятного материала. – Посвети мне.

Нери послушно направил луч света вниз. Лестничные перила зловеще накренились наружу: казалось, что вот-вот рухнут, увлекая за собой весь блок, как карточный домик.

Отсчитав пять ступеней вниз, Кантана вытянула руку. Прямо под её ладонью обнаружилась светящаяся завеса.

– Двойная защита. Даже если ссыльному повезёт, и он одолеет одну из печатей, вторая будет ему не по силам.

– И это – единственный путь в Пропасть? – изумился Нери.

Кантана кивнула в ответ. Свет пульсирующим пятном очертил линию её подбородка.

– Сейчас я приоткрою завесу. Будь внимателен, сосредоточься и не говори лишних слов. Мы должны пройти очень быстро.

Приложив ключ к завесе, Кантана пробормотала заклятие. Центральная часть занавеса померкла, слившись с затхлым воздухом. Небольшой разём, напоминающий извилистую молнию, прорезал печать, расползаясь всё дальше.

– Спускайся, Нери. Ты первый.

– Нашла дурака, – фыркнул Нери. – Сама первая и иди. Кто тебя знает. Не удивлюсь, если ты пыталась вызвать во мне доверие только для того, чтобы оставить по ту сторону.

– Значит, не доверяешь? – Кантана усмехнулась, накручивая на палец локон. – Если бы я хотела, то уже сдала бы тебя Совету. Мне не нужно было бы так напрягаться, чтобы ты оказался среди ссыльных.

– Ну да, конечно, – недоверчиво произнёс Нери, приближаясь. – Не сделала бы ты этого. Ты не слишком глупа для того, чтобы подвергнуть свою шкуру опасности. А сейчас у тебя есть прекрасная возможность избавиться от шантажиста.

– Спасибо за идею, – Кантана, кажется, начинала злиться. – Но даже в мыслях такого не было. Но знала бы я, что ты окажешься так колюч, непременно подумала бы о возможности избавиться от тебя.

– Ну, так опровергни мои слова, – Нери сделал широкий жест в сторону разрыва, который уже начинал смыкаться, – иди первая!

– Давай руку, – Кантана протянула ладонь, – пойдём вместе.

Сомнение охватило Нери, однако, времени на раздумья не оставалось. Дыра в завесе стремительно сужалась, превращаясь в небольшое отверстие. Вспышки по краям разрыва искрились, угрожая вот-вот залатать проход. Нери решительно обхватил пальцы девушки своими.

– Вперёд. И быстрее.

Быстро переступая по растрескавшейся плитке пола, они перешли на другую сторону завесы. Отверстие стремительно сомкнулось за их спинами, и преграда вновь обрела невидимость.

На последней ступени лестницы Нери резко разжал ладонь и выпустил руку из своей.

– Это ничего не значит, Кантана.

Кантана настороженно повернулась к нему. Во взгляде её сквозило недоумение.

– А что это должно было значить? – развела она руками.

Некоторое время Нери непонимающе таращился в ветхий потолок. Секунд десять спустя – смахнул со лба прядь волос и прыснул.

– Всё время забываю, что у вас многое воспринимается не так, как у нас.

– И всё же? – произнесла Кантана нежно.

– Держаться за руки – дурной тон, – пояснил Нери. – Если, конечно, мы не родственники.

Или не...

– Или?

– Или не влюблённые, – произнёс Нери недовольно.

– Какие глупые Устои, – пробормотала Кантана изумлённо. – Кто-то объясняет, как люди должны общаться между собой, а вы беспрекословно исполняете волю этого недалёкого?! Лишь глупцы подчиняют отношения правилам. То, что чувствует твоё сердце – вот главная догма.

– Эмоции и инстинкты не должны влиять на межполовую интеграцию, – возразил Нери. – До Перелома это не раз приводило к катастрофам глобального масштаба. К пандемии СПИДа, например. Если бы в отношениях между особями в то время были установлены допустимые пределы взаимодействия, наша история была бы иной. Но что поделаешь: дикое общество живёт по диким законам и следует лишь низменным инстинктам.

Они вышли в огромный сектор первого уровня. Ряды колонн обрамляли помещение по периферии, огромные иллюминаторы обхватывали периметр цепочкой пустых рам. По левую сторону ничего за ними не было видно: лишь знакомые каменные завалы, как в библиотеке. Иллюминаторы правой стены пропускали внутрь скупые полосы ярко-красного закатного пламени. Мгла, царившая уровнями выше, наконец рассеялась, словно открывая занавес перед границей нового мира. Мира иного, проклятого запретного; каждый шаг вглубь которого сладок, как райский плод, и болезнен, как танец на стекле.

– Может, ваши правители ещё и учёт поцелуям ведут? – надменно фыркнула Кантана.

– Ты нагнетаешь краски, – ответил Нери. – После официальной помолвки и регистрации данных об инфекционной безопасности будущие супруги могут это делать когда угодно, и никто ничего никому не записывает.

– После помолвки?! – возмутилась Кантана. – А до? Ведь невозможно противостоять любви! Или у вас всё по расчету?

– Бывает и по расчету, – спокойно сказал Нери. – Но до помолвки о подобных отношениях не может быть и речи. Надо отделять зёрна от плевел. Безопасность общественной жизни должна стоять выше низменных инстинктов. А ещё за это наказывают.

– Да как вы там вообще живёте?! – Кантана надула губы. – Как можно отчитываться за каждый свой шаг и позволять распоряжаться собственной жизнью?!

– Да, ты точно не смогла бы жить в нашем обществе, – парировал Нери. Его голос эхом отозвался в ограниченном пространстве зала. – Ты даже здесь преступаешь все дозволенные черты.

– Ограничения – для ограниченных, – глубокомысленно изрекла Кантана.

Они подошли к массивным резным дверям. Плотное некогда дерево местами рассырело и дало трещины. Лакированное покрытие истёрлось и покрылось шероховатыми проплешинами.

– Ты у цели, так? – Нери приподнял бровь. – Решила хоть, что делать будешь?

– Может, ты что-то решил? – Кантана умоляюще посмотрела на Нери.

Нери выдохнул. Плечи напряжённо дёрнулись.

– Не я тебя сюда потащил, – произнёс он с осуждением в голосе. – Поэтому не перекладывай на меня ответственность.

– Я не заставляла тебя сопровождать, – Кантана сложила руки на груди. Улыбка, играющая в уголках её рта, теперь не отдавала дружелюбием.

– Натворила бы дел без присмотра, – буркнул Нери, толкая дверь.

Яркий свет заходящего солнца резанул по глазам. Нери сморщил нос. Слёзы потекли по щекам. Обернувшись через плечо в попытке защитить глаза, он заметил, что Кантана вытирает лицо.

– И куда теперь? – спросил он. – Знаешь?

Кантана кивнула, указав на побережье. Вдоль кромки воды извивалась тропка. Метрах в пятидесяти, перпендикулярно линии прибоя, тянулось длинное и высокое сетчатое ограждение. Свободным краем оно уходило далеко в воду, другим – упиралось в завал. Ближе к подъёму ограду разрезали перегородки, которые были заперты. Стражники сновали близ выхода, вооружившись ружьями. Ни одной знакомой фигуры Нери не заметил.

– Где же твой неотразимый Азаэль? – Нери сделал размашистый жест в сторону ограждения. – Или эти тоже тебе во всём потакают?

Кантана заметно побледнела, сомкнув пальцы в замок.

– Подожди здесь, – приказала она. – Не показывайся им.

Прежде, чем Нери успел хоть что-то сообразить, она рванула к стражникам.

5

Гроза снаружи разбушевалась не на шутку. Набрякшее сизое небо угрожало обрушиться на город. Стена ливня скрыла силуэты яблонь. Гром надрывался так близко, что стёкла вибрировали от каждого раската.

Миа оторвала пальцы от стекла. На запотевшей поверхности задрожали четыре точки. Секунду спустя они размазались и выпустили ложноножки. Желание написать на стекле мольбу о помощи быстро отступило: помогать было некому. Теперь некому.

Молния взорвалась в иллюминаторе, окрасив ветви яблонь пронзительно-белым. В глазах замелькали зайчики. Голова опустела: мысли не шли. Каждая попытка привести дробь к общему знаменателю заканчивалась падением в пустоту. Лишь одна догадка давала знать о себе: это конец. Конец новой жизни, которая так и не успела начаться и развернуться.

На подоконнике остывал ужин. Щедрые ломти настоящего мяса и тушёный картофель под шапкой густого соуса. Пряный аромат специй крался по комнате. Миа с пренебрежением скривилась: хотя бы голодной не оставила. Но кто знает, что готовит завтрашний день. Как

ни странно, есть совершенно не хотелось. Словно вырвали из реальности и оставили позади настоящего. И беги – не беги, всё равно не нагонишь.

С каждой секундой Миа отползала от уходящего состава дальше и дальше. Последний раз она чувствовала подобное когда всё закончилось. Семь месяцев назад. Сегодня всё вернулось.

Жёлтый бумажный квадратик выглядывал из-за ободка тарелки – кусочек старой бумаги с оборванными сторонами. Потянув за краешек, Миа вытащила записку из-под блюда. Вот уже третий час она перечитывала слова, вычерченные гибкими круглыми буквами. Чернильные пятна расплывались на вершинках завитков. «Я спасу тебя», – пафосно выкрикивал текст.

– Спасёшь? – пробормотала Миа, комкая бумажку в ладони. – Что-то не спешишь.

Подступили слёзы. Три долгих часа с момента, как заветная записка подлезла под дверь, растянулись и перешли в глухую вечность. Минутная стрелка мотала круги на часах, дождь то начинался, то прекращался, но ничего не происходило. Снаружи по-прежнему цокали капли, накапывая по отмостку грустный мотив. Тишина в коридоре, как и раньше, не нарушалась и шорохом.

Мии уже было всё равно, вызволит ли Нери её из проклятых четырёх стен или нет. Более того, сейчас она ни за что не позволила бы ему освободить себя из заточения. Легла бы на порог, но прогнала бы предателя прочь! Нери допустил то, что случилось, хотя мог бы быть настойчивее! Зря она полагалась на него.

И до чего же больно чувствовать, как разбиваются иллюзии.

Впору было броситься на лежак и завывать в голос! Но это настолько осточертело за день! Оставалось лишь отдавать себя молчаливым минутам отчаяния и пытаться не диссоциировать.

Справляться с досадой получалось плохо. Злость закипала в животе. Неужели Кантана для Нери дороже, чем подруга из старого мира?! Как он посмел оставить её в опасности? Миа подняла ладонь, чтобы вытереть лицо. Анацеа ведь нужна была лишь информация! Почему Нери не мог дать ей необходимое?!

Но... если не смог Нери, сможет она!

К чёрту мораль! Не факт, что госпожа Бессамори отведёт собственную дочь на четвертование.

– Госпожа Бессамори! – выкрикнула Миа в пустоту, надеясь, что Анацеа услышит её. – Госпожа Бессамори, снимите печать!

Ответила лишь глухая тишина, перемешанная с накапыванием дождевых капель о стекло.

– Выпустите меня, пожалуйста! – прокричала Миа чуть громче. – Я скажу вам всё.

Звук разлетелся эхом по углам, заставив задрожать. Ужас от содеянного прокрался по спине и сомкнул руки на горле.

Но коридоры по-прежнему молчали. Словно Миа осталась одна в доме. Кто знает?

Пелену дождя под окном прорвал чёрный силуэт. Из кустов показался Азаэль. Его плечи и голову закрывала толстая куртка с капюшоном. Как всегда, нефилим тащил за собой грабли. Интересно, зачем они ему?

– Азазель! – прокричала Миа, забарабанив по стеклу. – Азазель! Я тут!

Словно услышав её голос, Азаэль вздёрнул острый подбородок. Лохматые волосы выбились из-под капюшона и, в мгновение намокнув, упали на лицо. Серебряные глаза уставились точно на неё, совсем как в тот день, когда они с Анацеа впервые ездили на Совет.

– Азазель! – обрадовано закричала Миа, размахивая рукой. – Я здесь! Здесь!

Склонив голову, Азаэль едва заметно пожал плечами. Ни одна эмоция не разбавила его холодной гримасы. Видит ли он её?

– Вытащи меня! – закричала Миа сквозь слёзы, отчаянно забарабанив в стекло. – Пожалуйста! Вытащи!

Тёмная фигурка внизу опустила голову, развернулась и быстро зашагала прочь, волоча следом грабли. Несколько секунд спустя дождь проглотил Азаэля, оставив на память лишь вытопанные ямки в грязи. Да и те ливень быстро зализал, сравнив с землёй.

Такого поворота событий Миа не ждала совершенно. Незримый спутник, что сопровождал её в самый тяжёлый период жизни; лучший друг, который умел внимательно слушать и вдохновенно отвечать, просто не отреагировал на мольбу! Вот и верь после этого другим...

– Гадёныш, – процедила она сквозь зубы. – Отродье бескрылое. Жертва науки. Да я тебя...

– Кантана, – неожиданно донёсся снизу обеспокоенный возглас Анацеа. Звуки казались ватными и податливыми. Казалось, что голос прорезает пространство и время, глухо звуча из далёкой галактики. – Кантана, где ты?

– Госпожа Бессамори, снимите печать! – завопила Миа в полный голос, изо всех сил стараясь убрать слезливую гнусавость. – Снимите! Мне нужно в ванную!

– Кантана?! – повторил голос уже громче. В нём слышалось пронзительное беспокойство. – Кантана, ты дома?! Ответь мне!

– Да снимите эту дурацкую печать, в конце-то концов?! Вы меня слышите?! Перестаньте корчить из себя тирана! Не поможет!

– Кантана, – уже тихо и разочарованно простонал голос в ответ.

– Замкни мои контакты! Я Вам сейчас тут всё спалю!

В отчаянии Миа пересекла отсек и распахнула дверь, пытаясь метнуться в коридор. Завеса рунической печати, проявившись сеткой изумрудных нитей, удержала её внутри и отбросила назад. Лёгкое покалывание побежало по коже. Мию передёрнуло. Швырнув на пол скомканную записку, что всё ещё сжимала в кулаке, как талисман, она кинулась на лежак.

6

Прибрежный ил, вобравший в себя ливневую воду, источал запах псины. Кантана неслась по мелкой гальке к заграждению. Страх опустошил голову. Не лучший момент для воплощения планов, однако, пасовать поздно. Вот что значит не успеть сдать вовремя. Придётся импровизировать на ходу.

Силуэты стражников казались рваными и размытыми от ветра. Наверное, стоило взять Нери с собой. Он, конечно, сорвал бы самые изысканные планы, но и завратся до абсурда не дал бы. Сейчас Кантана не была уверена, что ложь будет чёткой.

– Азаэль! – закричала она отчаянно, когда стражники, заметив её, подняли ружья. – Азаэль! Пожалуйста... Мне нужна помощь!

Грозовой купол вспучился над головой, угрожая ударить дождём. Ливень, впрочем, был бы очень кстати. Вдалеке сверкнула молния, придав небу холодный фиолетовый отлив. Разряд растаял смутными отблесками в беспокойной воде.

– Младшая Бессамори, – произнёс один из дозорных, опуская ружьё. – Кто пустил тебя сюда, малышка?

– Уж не спёрла ли ты рунический ключ? – хихикнул второй – грузный, с щербатыми щеками, поросшими рыжей щетиной. Его голос заставил остолбенеть от ужаса.

Кантана проглотила страх вместе с вязкой слюной. Смрад мужского пота проник в нос. Каждая секунда тишины приближала её к трибуналу. Нет! Нельзя заставлять язык замолкать ни на секунду!

– Мама! – сочиняла на ходу Кантана. – Мама и Тиарэ там, на Пути! Они вас зовут... Азаэль!

– Азаэля нет сегодня, – заметил первый дозорный. – Он попросил подменить его.

– Я уже вижу, – Кантана успела так войти в роль, что ощутила солёное щипание в уголках глаз. – Значит, это точно он... На третьем этаже. Ему перегрызли горло. Мама и Тиарэ с ним.

Тиарэ предположила, что кто-то из ссыльных бежал, и велела позвать вас, чтобы прочесать Башню!

Дозорные озадаченно переглянулись. Кантана едва подавила удовлетворённую улыбку: уж она-то знала, что хранят эти взгляды. Пока всё идёт по плану. О такой помощи Покровителей она и не мечтала!

– Не врёт ли девчонка? – рыжий толстяк хитро сощурился.

– С чего ей врать? – пожал плечами его товарищ. – Дочери члена Совета! Она никак не могла бы оказаться здесь, если бы с ней не было матери.

– Что они тогда на Пути-то забыли? – снова возразил рыжий. – Странно всё это.

– Несколько дней назад сюда привезли сына Анацеа. Возможно, мамочка хочет его в семью вернуть...

– Эй, ты, – выпалила Кантана, едва не выйдя из роли испуганной девочки от раздражения.

– Не смей говорить с таким пренебрежением о моей матери! Лучше ступай и помоги ей! Тебе это зачтётся и перед горожанами, и перед лицами Покровителей. Как бы беглецы не растерзали их с Тиарэ, пока вы тут сопли жуёте!

– Пошли, раз так, – бросил рыжий сотоварищу. – Девчонку лучше будет оставить здесь, пока мы всё не уладим. По крайней мере, тут ей пока ничего не угрожает.

– Не угрожает, – хмыкнул второй стражник, – ага, как же. А если какой бунтарь на ограду полезет? Думаешь, она его удержит? Я не хочу отвечать за шкуру глупышки перед её матерью.

– Если мы упустим порченных, нас по голове и так не погладят! Так оставайся с ней и оберегай, коли волнуешься!

– С ума сошёл? Ты самоубийца один идти?! А вдруг там беглецов целая толпа? Раз уж Азаэля порешили...

– Я справлюсь одна, – выступила Кантана. Фальшивые слёзы бежали по щекам, принося странное чувство удовлетворения и самодовольства. Обхватив себя за плечи, она пыталась создать иллюзию дрожи ужаса. – Правда, справлюсь. Главное, чтобы с мамой всё было хорошо! Я очень боюсь за них.

Протяжный раскат грома сотряс воздух, рассеяв вокруг градины басовых нот. Кантана с сомнением посмотрела в небо, налитое закатной кровью. Кажется, буря не собиралась отступать.

– Вот что, малышка Бессамори, – подумав, рыжий протянул своё ружьё, – возьми-ка от греха подальше. Если кто-то из этих занемогших умников полезет на ограду – стреляй на поражение. Ничего тебе за это не будет – их жизни навек обесценены. Только без фокусов. Целься в голову и не шали. Как бы там ни было, Покровители не поощряют насилие. Поняла?

– П-поняла, – Кантана утёрла набежавшие слёзы ладонью и не без удовольствия приняла ценный дар. Лучше и быть не могло. – Прошу, возвращайтесь быстрее!

Подгоняя друг друга, стражники побежали ко входу в Башню. Камушки под подошвами тяжёлых ботинок отзывались пронзительным хрустом. Слишком поздно Кантана сообразила, что своей импровизацией могла подставить под удар Нери. Однако, надежда на то, что сообразительность поможет ему спрятаться, перевесила страх. Когда дозорные скрылись за дверями, ужас, наконец, отступил: Нери у ворот видно не было. Успел-таки укрыться. И хорошо: эти двое разнесли бы его в клочья, не задумываясь и не раскаиваясь.

Порывы ветра усилились. Небо вспухло багрянцем туч. Холодные капли снова закололи кожу.

Кантана судорожно сжала ствол ружья. Она не знала, сколько времени придётся потратить на поиск брата, а драгоценные секунды быстро таяли. Нужно действовать, пока Нери не успел оклематься и сообразить, что к чему. Не мешкая, она рванула к ограждению и принялась карабкаться на металлическую сетку. Ружьё, болтающееся на кожаном ремешке, мешало подниматься, тяжёло стуча по бёдрам и оттягивая тело назад. Оборки цеплялись за проволочные

выступы, металлические обрывки с треском драли тонкое кружево. Не счесть, сколько платьев попорчено за последние несколько дней... Спасибо тебе, Нери.

Чертыхаясь, Кантана скинула с плеча ремешок и осторожно опустила оружие на землю. Вправду, зачем бояться ссыльных? Они такие же люди! Тиарэ ходила сюда в одиночку, Азаэль – тоже. Если она понесёт с собой ружьё, шансов, что ссыльные накинутся на неё без предупреждения, больше. А сейчас она идёт с миром. Открытое сердце всегда распахивает другие сердца. Стая бродячих собак не бросится на тебя, если не будешь вести себя вызывающе.

Почтенные Покровители, что за хульные мысли! Элатар – не собака!

Кантана перекинула ногу через ограждение и утёрла пот со лба. Металлическая оплётка хищно впиалась в бедро, не дав передохнуть. Что ж, может, оно и к лучшему. Кантана бесстрашно сиганула вниз.

Пути назад теперь не было. Впереди грязной скатертью расстелилась Пропать – проклятая обитель изгнанных. Часть берега близ ограждения оккупировала влаголюбивая растительность. Голые ивовые прутья невероятной длины стежками прошивали небо. Вязкий запах трясины наполнял воздух: даже буйные потоки ветра были бессильны перед ним.

Протопав сотню метров по шуршащей гальке, Кантана, наконец, вышла на ровную плешь. Берег здесь уходил вверх, перетекая в невысокие холмы, примыкающие к линии воды. Пенящая волна яростно билась о камни, поднимая вереницу брызг. Растительность поодаль от берега редела: лишь хилые, оборванные пучки непонятного кустарника, похожие на вшивые колтуны, обнимали подножие обрыва.

Деревянные хижины с замшелыми крышами рядами тянулись вдоль линии воды. Одинокие фигуры ссыльных сновали меж проплесневелых стен, как муравьи. Бесконечные серые кровли вымащивали черепицей линию горизонта. Влажный воздух хранил отвратительный горький запах жжёного.

Странно: улочки не пустовали, но никому из местных жителей не было дела до Кантаны. Никто не побежал ей навстречу и даже не посмотрел в её сторону. Возможно, ссыльных часто посещала охрана и подчинённые Совета...

Возможно, их жестоко наказывали за любую попытку показать, что они ещё живы.

Кантана приблизилась к домикам. Ветер, перемешанный с разрезанными каплями дождя, колотил по щекам и вздымал волосы. Мимо, не поднимая взора, просеменили двое молодых мужчин с удочками. Они волокли по песку корыто, в недрах которого серебрилась крупная рыба.

– Эй, – позвала Кантана тихонько, – вы не видели моего брата? Он тут несколько дней. Его зовут Элатар...

Мужчина повыше что-то шепнул своему спутнику, и они ускорили шаг, не оборачиваясь на Кантану.

– Прошу вас! – прокричала Кантана с мольбой. Дождь забарабанил по голове, пропитывая спутанные волосы. – Помогите мне!

Один из спутников несмело обернулся, не поднимая взора на девушку. Под светлой шёлковой чёлкой мужчины горело клеймо. Он мотнул головой, отвечая на её вопрос, и, как ни в чём не бывало, вернулся к своему делу. Острое ребро корыта потянуло по песку борозду.

Сделав несколько неуверенных шагов, Кантана погрузилась в плен узкой улочки. Запах гари перебил смрад пота и застарелой мочи. Ветхие крылечки домов спускали лестницы к её ногам. Завидев девушку, ссыльные спешили укрыться, словно им было, о чём молчать. Кто знает, возможно, они объявили бойкот тем, кто остался наверху, за свои разрушенные судьбы.

Венчая её мысли, сквозь свист ветра прорвался пронзительный плач ребёнка. Кантана задрала голову в темнеющее небо, вслушиваясь в звон младенческого голоса. Детей не могли ссылать до двенадцати полных годовых циклов, согласно Устоям. Так значит...

Ответ был элементарнее умножения на ноль. Этот плач – гимн протеста изгнанных против жестоких законов Девятого Холма. Это – крик новообретённого счастья в ссылке. Счастья в кругу единомышленников, среди тех, кто не смог смириться и бездумно преклонить колени.

Среди таких же, как она сама.

«Лучше быть с клеймом во лбу, но живым среди настоящих», – зазвенел в ушах голос брата. В тот вечер Кантана не придавала значения его словам, но теперь она хорошо понимала, что Элатар имел в виду. Он никогда не знал вкуса жизни наверху. Он позволял Анацеа вершить свою судьбу, а за спиной проклинал её за стремление контролировать. И, конечно, ненавидел себя за слабость. Последнее слово Элатара на Посвящении Эладе озарилось его самым ярким личным триумфом. Ссылка в Пропать стала для него не наказанием, а освобождением.

Так может, место, уготованное ей Покровителями – здесь?

Громкое, настойчивое постукивание, доносящееся со стороны одной из хижин, отвлекло от размышлений. Она застыла посреди проулка, опьянённая тошнотворным запахом мусора и рассыревшего дерева. Лишь когда стук повторился, Кантана поняла, что послание адресовано ей.

Кантана несмело развернулась. На крыльце двухэтажной лачужки, что примостилась у края дорожки, подпирая навесом крыши небосвод, стояла молодая женщина. Распахнутые серые глаза смотрели на Кантану, не мигая. Что-то до боли знакомое сквозило в этом открытом взгляде, в контурах безупречно очерченных скул и в фарфоровой белизне кожи. Даже пятно клейма на лбу не портило красоты изгнанной. Кантана точно видела её раньше, только не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах.

Неудивительно: Девятый Холм – небольшое поселение, где работает принцип двух рукопожатий. Кантана вполне могла столкнуться с этой женщиной на улице, в Наставне или на рынке, когда изгнанница ещё жила наверху, среди Избранных.

Давно ли это было?

Холодный ветер вздыбил волосы. Задержав дыхание от волнения, Кантана приблизилась к покосившемуся крыльцу. Грязь толстым слоем покрыла носы сапожек.

– Вы меня звали? – осмелилась она подать голос.

Незнакомка беззвучно кивнула, не отводя глаз. Улыбка тронула её губы. Вместо нескольких нижних зубов красовались чёрные прогалы. Даже это не портило красоты молодой женщины. В каждом жесте незнакомки чувствовались скрытая мощь, уверенность, решимость, которых так не хватало Кантане.

– Вы можете помочь мне найти брата? – Кантана с надеждой подняла подбородок. Если её лицо так знакомо, возможно, они пересекались на Девятом Холме, и незнакомка знает, как выглядит Элатар.

Женщина снова кивнула, не проронив ни звука. Роскошные ореховые волосы полетели по ветру, заслоняя лицо.

Почему она молчит?

– Так скажите, где он! – голос Кантаны задрожал. – Умоляю вас! Скажите мне!

Незнакомка повернула голову в сторону накренившегося барака в конце проулка и чуть выставила подбородок вперёд.

– В том бараке? – уточнила Кантана.

Очередной тихий наклон головы стал ей ответом.

Грозное облако, затянувшее небосвод, разразилось оглушительным раскатом грома. Вспыхнула молния, сделав краски вокруг ядовитыми. Дождь принялся гулко настукивать по откосам крыш.

Вместе с раскатом на Кантану снизошло прозрение. Теперь она знала, как зовут женщину, что стоит перед ней, добродушно улыбаясь, и удивлялась, как могла не вспомнить этого сразу.

Манарина Дрон!

Члены клана Дрон проживали на той же улице, что и семейство Бессамори. Прародительница клана Ринадэ промышляла изготовлением колбас. Манарина посещала Наставню в одной возрастной группе с Зейданой. Выходя с няней на утреннюю прогулку, Кантана часто наблюдала, как Манарина, необычайно стройная в чёрном одеянии, пересекает мостовую. Её чарующий взгляд и гордая поступь говорили Кантане, что доля непосвящённой – не приговор. Провожая отдаляющуюся фигуру, маленькая Кантана грезилась о том, чтобы вырасти такой же красивой и статной и притягивать столько же взглядов. «Никогда не веди себя, как она», – в противовес любила поговаривать Анацеа, грозив Кантане пальцем. Возможно, именно запрет породил дух противоречия, что так тянул в неприятности.

Но однажды Манарина исчезла. Просто перестала появляться на улице и всё. Любопытство сжирало Кантану, и она едва держалась, чтобы не поинтересоваться причиной у матери. Но она заранее знала ответ Анацеа. Когда Кантана рискнула, наконец, спросить об этом Зейдану, та лишь закрыла лицо руками и пробормотала: «Тебе рано это знать».

Манарина встревожено вскинула голову в небеса, и в тот же момент из распахнутой двери за её спиной полился звонким ручейком уже знакомый детский плач. Маленький невинный человечек, которому не повезло родиться в Пропasti, звал мать на языке, понятном лишь ему. Кантане захотелось завывать волком, сплетая с ним многоголосье. Звук младенческого голоса вырисовывал то, что она потеряла, так и не обретя.

Развернувшись, Манарина поспешила в дом, и Кантана наконец поняла, в чём была причина странной манеры общения.

Кантана поспешно отвела взор. Она почувствовала себя сопричастной.

У Манарины не было рук.

Глава 2 Предательство

Водяное бешенство - облигатно летальное инфекционное заболевание, вызываемое вирусом из семейства Рабдовирусов. Передаётся через слюну, кровь и выделения заболевшего. Обладает высокой контагиозностью.

Противовирусных препаратов, эффективных в отношении вируса, в настоящее время не существует. Иммортельский Научный Центр в ускоренном темпе разрабатывает подъязычную вакцину, которая предотвратит возможность заражения вирусом.

© Головизиограмма «Вечерний Иммортель».

1

Приземистое здание опасно кренилось, словно наступая для атаки. Растрескавшиеся от сырости стены подёрнулись бронёй лишайника. Грязные пучки пакли вываливались из щелей. Казалось, строение может рухнуть от дуновения ветра.

Кое-где в баррикаду стен врезались щелевидные окна без стёкол. Двери скрипели на непромазанных петлях. Несмотря на бурю, никто не удосужился закрыть их.

Дворик, спрятавшийся в тени, встретил Кантану пиками мёртвой растительности и песчаной пустотой. Одинокие травинки мёрзли на ветру, раскачиваясь в такт горестным мыслям. Ни души не было вокруг: лишь двое мужчин у входа оживлённо спорили. Крепкий дух табака разливался по ветру.

Интересно, как они достают табак? Не иначе, как стражи подкидывают!

– А новичок-то молодец, – донеслось сквозь свист урагана. – Не выделяется, как все богатенькие.

– Ему быстро бы сбили здесь корону, – раздался в ответ сиплый голос, прерываемый надсадным кашлем курильщика.

– Он будто бы всегда хотел быть здесь.

– Только драный Разрушитель поймёт этих богачей. Вечно с жиру бесятся.

Не поднимая глаз, Кантана скользнула мимо. У неё уже не было мыслей о том, что ссыльные могут ей навредить. Все опасения вытеснили воспоминания о детстве, неожиданно ставшие тёмными и тягостными, и размышления о судьбе Манарины – смелой соседской девушки, что всегда была для неё кумиром. Знает ли красавица из рода Дрон, что каждое буднее утро, когда она шла в Наставню, за ней подсматривала малышка, едва вкусившая участь непосвящённой? Должно быть, подозревает: иначе зачем было давать подсказки и привлекать внимание? Манарина даже не побоялась показаться ей на глаза изувеченной и клеймёной.

Может, красота и уверенность в себе не были для неё самоцелью?

Кантана толкнула дверь. Глаза защипало от запаха нечистот.

Коридор повернул под прямым углом и привёл в длинный и узкий зал. Стены покрывал изнутри толстый слой глины. Всё помещение занимали стоящие рядами двухъярусные кровати, сколоченные из дерева. Большинство из них не было застелено: голые, грубо отполированные днища походили на распахнутые чемоданы.

– Элатар, – робко позвала Кантана, – ты здесь?

– По какому это случаю к нам пожаловала девчонка сверху? – крепкий запах кукурузы не дал Кантане усомниться в том, кому принадлежит голос.

Не успела Кантана обернуться и дать ответ, как мир перед глазами завертелся. Запах табака стал ещё гуще: от терпкой горечи перехватило дыхание. Даже душок, исходящий от Гая в роковое утро, звучал приятнее. Раздутое пузо изгнанного упруго прижалось к её животу.

Щёки засвербило от шероховатости крепких мозолистых пальцев. Кантана боялась поднять глаза, зная, что увидит разъярённое, перекошенное яростью лицо.

– Развлечёмся, крошка? – закашлялся обидчик, сжимая её щёки. – Обещаю, что буду нежным.

– Боюсь, что у тебя сил не хватит! – дерзко выпалила Кантана, изо всех сил наступая ссыльному на ногу. – Ты и на мужчину-то не похож!

– Сучка! – взвыл незнакомец, на мгновение отстранившись. – Ты ответишь за это сполна!

Шаги, приближающиеся из глубины зала, посеяли крупную дрожь. Если кто-то сейчас присоединится к обидчику, убежать не получится. Возможно, она вернётся наверх опороченной, и ей придётся хранить страшную тайну до конца дней, доверяя её только ночи и мокрой подушке. Возможно, ей вообще не суждено возвратиться на Девятый Холм...

Выбор невелик, но выход есть. Надо бежать. Сейчас или никогда!

Но прежде, чем Кантана успела нырнуть под расставленные руки толстяка и выскользнуть в коридор, знакомый голос прорвался сквозь шум возни:

– Оставь её, Брэм. Это моя сестра.

2

– Почему он сразу тебя послушался? – пробормотала Кантана, потирая щёку. Чужие пальцы всё ещё чувствовались на коже, и даже дождь не мог смыть отметины. – Неужели ты так быстро успел набить себе цену?

– Трогать родственников ссыльных – табу, – пояснил Элатар. – К новеньким часто пробираются родные. Дозорные на Пути покупаются и продаются. К этому все привыкли. Если бы ты пришла сюда просто так, тебе не пришлось бы ждать пощады.

Кантана оглядела брата. За трое суток ссылки Элатар заметно похудел, однако в глазах его уже не было пронзительной пустоты, что пугала её последние дни перед Посвящением. Глядя на ветхие постройки, покрытые коростой мха и плесени, Кантана не могла представить, что здесь можно чувствовать себя лучше, чем наверху. Ведь, судя по слухам, многие кончали с собой в первые дни изгнания. Но взгляд брата заявлял иное. Элатару верилось сильнее, чем глупым сплетням.

Они обогнули барак и вышли на пустырь у подножия холма. Сквозь дёсны земли здесь прорезались колючки. Трещины с жадностью вбирали в себя влагу. Несмотря на сырость, снова запахло горечью и гарью. Вдалеке, за серой черепицей крыш, взвился в небо новый столб чёрного дыма.

– Что там? – Кантана показала на дым.

– Сжигаем, – Элатар беспокойно закусил губу. Свежее клеймо на его лбу на мгновение стало ярче. – М-мусор. В специально отведённых помещениях под обрывом. Надо как-то очищать территорию.

– Мусор? – переспросила Кантана, усаживаясь на отлогий камень под навесом скалы. Теперь дождь не доставал до них. – Почему же мясом горелым несёт?

– Рыба, – пояснил Элатар нехотя. – Протухла на солнце.

Второй раз в жизни Кантане показалось, что Элатар обманывает её. Первый раз она заметила ложь на его свадьбе два цикла назад, когда он клялся в вечной верности Дериадэ. И в пылкой любви до первого Посвящения или до ухода.

Теперь он ничего не должен жене.

– Много заражённых здесь? – Кантана обвела взглядом одинаковые кварталы серых барачков.

– Среди селян – нет никого, – ответил Элатар. – При малейших подозрениях на недуг Пропasti человек уходит из жилой зоны. Заражённые заперты в хижине у границы. Это негуманно, но...

– Иного выхода нет, – вздохнула Кантана.

– Да, – отрезал Элатар. – Было и так, что они вырывались. Такое расположение укрытия позволяет дозорным быстро...

– Отправлять их к Покровителям, – закончила Кантана.

– Наверху говорят, что Покровители отреклись от нас, Кантана, – возразил Элатар. – Теперь у нас один путь. Вниз.

– Кто сказал, что мы не вправе жить по воле сердца? – Кантана обняла колени. – Положения писали люди, Элатар. Ты сам всегда так говорил, помнишь?

Молния осветила песок, сделав его на мгновение розовым. Дождь полил сильнее. Мощные струи размазали очертания домиков.

– Как мама отпустила тебя сюда? – поинтересовался Элатар. – Или ты договаривалась с Тиарэ?

– Я сама пришла, – Кантана невозмутимо пожала плечами.

– Буду с нетерпением ждать тебя здесь, – Элатар позволил себе рассмеяться. – Если и дальше будешь позволять себе вольности, не удивлюсь, что уже скоро.

– Элатар, – Кантана замялась. – Я могу выгнать тебя отсюда. Прямо сейчас.

– Да? – в глазах Элатара загорелось сомнение. – И как же ты сделаешь это? Или моя сестра летать научилась?

– Мы сейчас незаметно перейдём через рубеж и... – Кантана старательно избегала темы открытия порталов. – Поднимемся по Пути. Ключ у меня. Дозорные будут заняты ещё долго, не волнуйся.

– Но на Девятом Холме мне не жить с клеймом, – Элатар развёл руками.

– Я договорилась с одним человеком, – улыбнулась Кантана. – Она встретит нас в поле у Башни, на колеснице, и отвезёт тебя в другое место. Мы уже нашли укрытие за пределами Девятого Холма и решили все нюансы. Ты проживёшь остаток жизни вдали от дома, но среди свободных. И недуг Пропasti не будет страшен тебе больше.

Элатар, не разделяя оживления, опустил голову. Дождь за его спиной забарабанил по земле с особым ожесточением. Разбухший песок под ногами скрыл трещины, сомкнув их выщербленные края.

– Пойдём, – Кантана, с готовностью встав, посмотрела на небо. Тучи сгущались: нужно было торопиться. – Давай, собирайся. Ничего не бойся.

– Кантана, – Элатар замялся, но голос его был твёрдым, – я уже среди свободных. Разве ты не видишь?

Он обвёл взглядом серые кварталы, спускающиеся к кромке воды. Ссылные, одетые в тряпье, суетились, спеша укрыться от ливня.

– Это вы думаете, что наказали нас, выбросив сюда, – продолжал Элатар. – На самом же деле я всегда мечтал оказаться среди настоящих. Там я был сыном Анацеа Бессамори, а здесь я – Элатар. И жизнь здесь – не жалкое существование, сведённое к поклонению несуществующим идолам.

Кантана едва держалась, чтобы не разрыдаться от обиды. Слова брата были подобны пощёчине. Только болело не лицо, а душа. Предательство – оружие, которое поражает не тело.

– Как тебе может нравиться тут?! – с презрением фыркнула она. – Недуги, мор, грязь и вонища из уборной! И эти хамоватые мужланы...

– Мне всю жизнь затыкали рот, Кантана, – перебил Элатар. – Меня никто ни о чём не спрашивал. И никто никогда не слышал. Мать лепила меня таким, как хотела сама. Здесь я впервые обрёл себя. Я воскрес. Так и передай матери.

– Мать не узнает о том, что я видела тебя! – воскликнула Кантана. – Я, в отличие от тебя, не хочу, чтобы её сердце разорвалось!

– У нашей матери нет сердца, – взор Элатора неожиданно стал ледяным, как колючие ветра первого сезона. – Ты узнаешь об этом, когда возымеешь дерзость не оправдать её ожиданий.

– Неправда! Не...

Кантана закашлялась от густого запаха гари. Даже свежесть холодного дождя уже не могла его замаскировать. Струя дыма, тянущаяся в небо за баррикадой крыш, раздалась вширь, выплёвывая в небо кучевое чёрное облако.

– Вы ведь жжёте там не мусор, – Кантана упёрла руки в бока.

– Какое это теперь имеет значение?

– Ты же заразишься здесь! – Кантана в ярости топнула ногой. – И умрёшь вместе с ними! Как ты ещё не понял этого?!

– Значит, такова моя судьба, – развёл руками Элатар.

Минут пять брат и сестра сидели молча, не глядя друг на друга. Кантане было, что сказать. Только вот слова застревали в горле, никак не желая материализоваться.

За что он борется? За право самоутверждения? Но если его ошибка – плод детских обид на мать, значит скоро, очень скоро ему придётся пожалеть.

Суета вокруг нарастала. Несмотря на дождь, ссыльные возбуждённо носились между строений, собираясь в небольшие группы. На клеймёных лицах отображалось беспокойство.

– Только не это, – вздохнул Элатар над её плечом.

– Что-то случилось? – переспросила девушка.

– Да так, – голос Элатора звучал взволнованно, и Кантана поняла, что брат снова лжёт. – Ничего особенного.

Чавкающий звук шагов прервал мысли. Из-за постройки высунулся неотесанный мужлан, что накинута на неё несколькими минутами ранее, в бараке.

– Элатар, – позвал он, игнорируя Кантану. Впрочем, она была только рада этому. – Ещё один. Пойдём-ка, хватит прохлаждаться!

– Я так и думал, – Элатар отряхнул дешёвые холщовые штаны.

– Не забудь маску, – выдавил мужлан.

– Маску?! – переспросила Кантана, неожиданно понимая всё.

Элатар выставил руку с напряжёнными мускулами вперёд, отрезая Кантане путь.

– Услышь меня, – прошептал он, глядя ей в глаза, – хотя бы раз. И прости, если сможешь.

Моё место здесь.

Широкая спина Элатора потерялась за полосами ливня. Каждый его шаг отдавался в сердце распирающей болью. Но Кантана сохранила достаточно гордости для того, чтобы не побежать за ним в дождь. Как ни гадко было это осознавать, потраченные деньги не стоили того, чтобы валяться у брата в ногах среди толпы незнакомых людей.

Всё ещё стоя под навесом, Кантана видела, как Элатар влился в небольшую группу людей и надел матерчатую маску. Собравшись кучкой, изгнанные ринулись в сторону рубежа. В последний раз окинув взглядом удаляющуюся фигуру брата, Кантана проглотила обиду вместе с терпким привкусом гари. Глаза защипало, но не хотелось думать, что причина этому – слёзы. Это дождь виноват. И по щекам бежит ливневая вода.

Ничего не оставалось, как выйти на сырой песок и последовать за ссыльными. Но не потому, что было любопытно. Просто в Пропasti больше некого было искать. А значит, настало время вернуться.

3

Спасаясь от дождя под скатами ветхих крыш, Кантана кралась к рубежу. С каждым пройденным перекрёстком постройки редели, уступая место густым порослям влаголюбивых растений. Галечный пласт под ногами превращался во влажную, маркую глину.

Страх нападения уже не волновал. Приоритеты поменялись в считанные секунды. Кантана пыталась понять причину, что заставила брата отказаться от свободы в пользу жалкого существования на дне жизни. Да, Элатар боялся высказываться и отстаивать себя перед матерью, но разве глупые принципы и гордыня могли завести так далеко?

Перед глазами встало лицо Манарины: искалеченной, но счастливой женщины. Она смогла бы разрешить противоречия и указать, где истина. Если бы однажды, в другой жизни, ей не вырвали язык за то, что осмелилась быть собой.

Люди наверху не понимают, что значит свобода. Потому что не видят ничего, кроме золотой клетки, которую сами же себе и построили, и не знают иных вариантов. Элатар просто осмелился продраться сквозь прутья и посмотреть на вещи с позиции наблюдателя.

И кто на самом деле свободнее: Элатар или она?

Гул возни нагнал Кантану, когда она покидала поселение и пересекала границу, отделяющую жилой квартал от болотистой заводи. Голоса, прорывающиеся сквозь шум дождя и завывание урагана, звучали взволнованно. В растерянности Кантана обернулась.

Толпа ссыльных в дальней части квартала выволакивала из ветхого домика человека, обвязанного простынями. Даже не человека – тело. Кантана не раз присутствовала на ритуалах прощания и могла отличать кислое от пресного. Кто-то из селян ушёл, и теперь активисты готовятся предать тело земле. Только к чему паника и канитель вокруг самого заурядного события?

Изгнанные расталкивали друг друга, стараясь отойти подальше от мужчин, волочащих тело. Лица их закрывали маски. Не без удивления Кантана заметила в кишасщем столпотворении брата. Элатар вместе с парой молодых парней выносил из дома ушедшего мелкие предметы мебели и расставлял у крыльца. Заметив Кантану издали, он отвернулся, словно не имел к ней ни малейшего отношения. Так, будто презирал её за попытку вызволить на свободу.

Что ж. У каждого свой рай. Принять чужую позицию всегда тяжело, но иногда приходится насиловать свой разум.

Вздыхнув, Кантана двинулась дальше. Предстояло вырвать Элатара из памяти, словно его никогда не существовало. Так делают все кланы, чтобы залечить язву позора. Однажды о нём позабудут и горожане, но произойдёт это куда позже, чем семья отвергнет воспоминания. Стервятники дольше помнят пролитую кровь, нежели собратья павших.

Размышляя об этом, Кантана ступила на извилистую тропку в ивовых порослях. Дождь смывал с лица отвратительную пыль. Запах грозы прогонял вонь нечистот. Теперь рубеж был близок. Оставалось только надеяться на то, что дозорные не успели вернуться. На всякий случай стоило подготовить оправдание, вот только дельные мысли в голову не приходили.

Шорох ломающихся ветвей заставил Кантану отвлечься от бесплодных раздумий о вечном.

– Деушка, – прорвалось сквозь шум ветра сиплое чавканье. – Пофтойте, деушка.

Встрепенувшись от неожиданности, Кантана развернулась. Струи ливневой воды побежали по шее, холодными змеями спускаясь под лиф платья. В груди закололо от страха.

Она была не одна в зарослях. Сквозь густую поросль по направлению к тропе, шатаясь, продирался мужчина. Ветви стонали и ломались, расступаясь перед ним. Тело незнакомца заносило то в одну сторону, то в другую, как флюгер на ветру. Сухая и толстая от отёков кожа, обтягивающая скулы незнакомца, горела россыпью красных пятен.

– Воды, дэушка, – простонал мужчина, вываливая изо рта растрескавшийся язык. Кровавая пена островками покрывала его губы. – Пить. Пить...

Заражённый направлялся прямым курсом к ней... Только на этот раз рядом не было Зейданы с заклятием защиты от скверны.

Никакого оцепенения, напротив: тело наполнила парадоксальная лёгкость, окрылив и освободив скрытые резервы. Кантана с готовностью отступила, не позволяя незнакомцу зайти за спину.

– Назад, – выставила руки перед собой. – Не приближайся.

– Пи-и-ить, – прочавкал мужчина, неуклюже выбираясь из порослей. Ступня, покрытая воспалённой кожей, чавкнула по гальке, опрокинув тело на одно колено.

Воспользовавшись возможностью, Кантана стрелой метнулась в заросли. Ивовые ветви смыкались перед лицом, наотмашь ударяя по вискам. Бесконечная поросль прутьев казалась живой. Хоть бы просвет впереди мелькнул!

Шаги за спиной становились всё громче – преследователь не отступил. Тщетно ища путь в дебрях, Кантана подумала о том, что, возможно, потеряла верный курс. Дождевые капли стекали по коже, пропитывали волосы. Горькая истома скреблась в горле, выходя наружу криком. Ветки трещали совсем близко, и Кантана мужественно сжала губы, проглотив вопль. Нельзя позволять безумию взять над собой верх! Если она поддастся панике – подпишет себе приговор.

Каждая ускользающая секунда на миллиметр приближала к гибели.

Одышка стиснула грудь, и сильный стон неудержимо задрожал на губах. Пыхтение и покрхтывание преследователя не давало перевести дыхание. Ещё мгновение, и рука, покрытая отвратительной плёнкой струьев, сожмёт плечо. Хорошо будет, если он решит вопрос её жизни сразу.

А если нет? Если ему вздумается отхаркнуть ей в лицо заразную пенистую мокроту, передав смертельную эстафету?! Кантана представила, как по щеке бежит тёплый ручеек чужой слюны, скапливаясь в уголке губ. От мысли о гибели в страшных мучениях икры сковала судорога.

Сдаваться нельзя. Вот только кто даст гарантию, что она сумеет справиться с крепким мужчиной?!

– Дзущка-а, – вынырнувшая сбоку рука обломила ветвь в опасной близости от лица. Перед глазами мелькнула желтоватая чешуя струьев с багряной корочкой крови, похожей на джем. – Пы-ыть! Пыть!

– Отойди! – Кантана отпрыгнула. Тело, поддавшись силе тяжести, проскользнуло меж веток. Болезненное давление гибких прутьев пронеслось по плечам. – Прочь!

– Пы-ы-ыть!

Теперь Кантана могла хорошо разглядеть вспухшее лицо преследователя. Глаза, кажущиеся слепыми, смотрели в никуда, но Кантане было ясно – он видит всё. Сухие губы изгнанного изогнулись, и из уголка рта побежала густая пена с кровавыми ошмётками.

– Прочь! – взвизгнула она и резко подалась вперёд, серной пролетев меж ветвей.

Запыхавшись, преследователь дёрнулся и упал на одно колено. Грязь отозвалась сердитым чавканьем. Ладони заражённого плюхнули по вязкой жиже, подняв фонтанчики брызг.

Воспользовавшись преимуществом, Кантана ускорила бег. С надеждой она вглядывалась в беспросветные дебри, умоляя их расступиться и показать путь. Но, кажется, заходила лишь глубже. Радовало одно: шагов больше не было слышно, как и устрашающих сильных вдохов.

Кантана уже не думала о том, какие слова нужно припасти в оправдание, если дозорные окажутся на месте. Лишь одно желание занимало рассудок: быстрее выбраться на тропку. Или, хотя бы, к рубежу. Идя вдоль сетки, можно будет легко прийти туда, откуда она начала свой путь.

Есть! Густая поросль, наконец, расступилась, и Кантана упёрлась в сетку рубежа. Пробежав несколько десятков метров вдоль забора, она, наконец, вышла к пункту дозорных. На её счастье, охраны на месте не было.

Но она была не одна. По ту сторону сетки стоял, укоризненно поглядывая на неё, совсем другой человек.

Впервые в жизни Кантана была так рада видеть Нери 42.

4

– Ох! – Нери с трудом держался, чтобы не перескочить через забор и не всыпать глупой эгоистке по пятое число. – Ты хоть понимаешь, что натворила?!

Ливневые потоки застилали глаза, размазывая чёрную фигурку по ту сторону сетки. Но ещё сильнее досаждала ярость, клокочущая за грудиной. Опасное оружие, которое так и хотелось использовать против нахалки.

– Не время для нравоучений, Нери, – Кантана задыхалась. – Передай-ка мне ружьё. Вот это, что у твоих ног валяется.

– Зачем?

– Не спрашивай! – глаза Кантаны расширились. – Просто подай мне его!

– Кантана, – Нери с сомнением посмотрел на землю, поймав взглядом начищенный ствол оружия, – ты стрелять-то умеешь?

– Придётся научиться, – выдохнула та. – Там заражённый. И он скоро будет здесь. Выхода нет.

Как в подтверждение её слов, воздух наполнил стон ломающихся веток и напряжённое, булькающее сопение, смешивающееся с шумом дождя. Кто-то шёл сквозь заросли, неумолимо приближаясь к рубежу.

– Он? – переспросил Нери на всякий случай.

Кантана кивнула и попятилась, вжавшись в решётку барьера.

– Отойди! – выкрикнул Нери сквозь свист ветра. – Ты не будешь стрелять.

Руки задрожали, едва он осознал сказанное. Он переоценил свои силы и возможности. И эмоциональную устойчивость – тоже. Живой человек – это не манекен. Сможет ли он?

Деваться некуда!

В густой темени зарослей прорисовался крупный силуэт. Нери решительно вскинул ружьё. Давать Кантане палить означало совершить медленное двойное самоубийство.

– Нери, – умоляюще застонала Кантана, пытаясь вскарабкаться на забор. Мокрые ноги соскользнули с решётки, опрокинув её на землю. Кантану резко повело вперёд, но она выстояла.

– Стой там, – с уверенностью в голосе приказал Нери. Приклад упирался в плечо, пуская по нервам разряды боли. – Если он приблизится – беги. Не позволяй ему коснуться себя. Делай что угодно, но не позволяй! Мы... Мы запугаем его, чтобы он ушёл!

– Бесполезно, – Кантана отбросила с лица намокшие волосы. – Разума у него уже нет. Если он будет нападать – стреляй на поражение. Дозорные приказали.

– Ты в своём уме? – возмутился Нери.

– Они обречены, – выдохнула Кантана. – Они уже не люди. И я только что в этом убедилась. Не подводи нас обоих, Нери!

Треск ветвей перешёл в нагсадный сип. Удушающий кашель чужака заглушил даже раскат грома. Зачарованно Нери наблюдал, как из кустов, подобно полной луне, выплывает отчётливый лик заражённого. Звёзды багровой сыпи покрывали обветренные щёки. Радужки глаз заслоняла мутная плёнка, делая их похожими на вулканические кратеры Запределья. Из уголков рта стекали хлопья пены, скапливаясь серыми островками под изъеденной нижней губой.

Кантана завизжала и попятилась вдоль решётки. Нери впервые видел ужас в её глазах, и эта смертоносная паника передалась ему, заставив сердце затрепетать, как лист на ветру. Только бы всё получилось!

Оружие придавило плечо: лазерный бластер и рядом не стоял! Хорошо, что тренер гонял их на занятиях по самообороне, и Нери посчастливилось практиковать стрельбу из допереломного оружия. И, хотя навык в этой области был очень жидким, он был.

Пошатываясь, заражённый выполз в дождь. Ливень мгновенно намочил его волосы, вздыбив грязные пряди.

– Дэ-э-эушка, – простонал он почти умоляюще, делая шаг по направлению к Кантане. – Пить! Дэушка пить!

– Уходите отсюда! – чётко прокричал Нери, взяв заражённого на мушку. – Я буду стрелять на поражение!

Затуманенные глаза незнакомца устали в никуда. Уколы совести стали не такими болезненными. По крайней мере, теперь Нери был уверен, что заражённый его не слышит.

– Пить! – мужчина ринулся к Кантане, спотыкаясь на ходу.

Моментально отреагировав на нападение, Кантана, как кошка, метнулась в заросли. Ветви сомкнули ряды за её спиной, надёжно укрыв от посторонних глаз. Заражённый бросился следом, но скорость его реакции была куда ниже. Потеряв равновесие, преследователь упал на задницу, собрав грязь полый рваного балахона. Разодранный затылок коснулся песка. Нери с ужасом смотрел, как дождь наполняет глазницы незнакомца.

– Стреляй, Нери! – донёсся из зарослей отчаянный крик. – Он же убьёт меня!

Задыхаясь от волнения, Нери прицелился. Руки дрожали, а вместе с ними трясся и ствол ружья. Чувство вины поднялось к горлу. Эту жизнь давал не он. Но сейчас он должен был оборвать её, как тонкую нить. Есть ли у него такое право?

– Я не могу! – прокричал он, отплёвываясь от дождевых капель. Ветер насмешливо перехватил его вскрик, разбросав по берегу бусинками эха. – Он живой! Он живой, Кантана!

– Зато я скоро буду мёртвой! – Кантана ещё умудрялась язвить.

– Я не могу, – повторил Нери шёпотом.

– Говорила же: дай мне ружьё!!!

Кулачище грома расколотил воздух на острые осколки. Сверкнувшая в вышине молния выжгла цвета, заиграв на контрастах.

– Пить, – повторил заражённый уже отчётливее. Погрузив ладони в песок, приподнялся на руках и встал на колени. Его некогда крепкое, мускулистое тело шатало. Когда подошва мужчины нетвёрдо встала на песок, Нери попятился, всё ещё удерживая перед собой ружьё. И вовремя: заражённый даже и не думал нестись вслед Кантане. Разогнавшись, мужчина кинулся на барьер, подобно раненому гепарду. Опоры тревожно заскрипели, металлическая сетка подавалась под тяжестью обмякшей туши. Пальцы, покрытые грязными струпами, обвили сеть в жалких сантиметрах от лица. Задохнувшись от брезгливости, Нери отступил по скрипящей гальке. В голове ревел похоронный колокол.

– Пи-и-ить! – убийственный раскат прогремел, заглушая шум ливня. Сетка, провиснув под натиском изгнанного, зашаталась. Крепления заскрипели, угрожая лопнуть.

– Прости, – простонал Нери, обращаясь к заражённому. Он понимал, что слова направлены в никуда. Но муки совести на этот раз перевесили доводы здоровой логики. – Я не хочу умирать. И она не хочет тоже. Поэтому я должен это сделать... Поверь мне, там тебе будет лучше. Что бы по ту сторону ни оказалось: пустота или прибежище Покровителей. В любом случае.

– Пить?! – глаза заражённого внезапно вспороли воздух над плечом.

Поймав осознанный взгляд незнакомца, Нери замялся и опустил ствол. Сердце тикало, как часовой механизм бомбы, отсчитывающий последние секунды до небытия.

Шатаясь, заражённый попятился. Изъязвленные пальцы отпустили ограду. На торчащих металлических остовах осели хлопья гноя с кровавыми прожилками. Нери передёрнуло от отвращения.

Заросли за спиной заражённого мерно раскачивались под дуновениями ветра. Никаких следов присутствия Кантаны – лишь тягучая, наполненная дождём пустота. О ней напоминало разве что иррациональное чувство чужого взгляда, что, не отрываясь, наблюдает за каждым шагом... А ещё Нери кожей чувствовал её страх, и это был не пустой каприз, а настоящий ужас, заставляющий кровь смерзаться в сосудах и останавливающий биение сердца. Знамя приближающейся кончины – вестник того, что никакие скрытые резервы для выживания уже не помогут.

– Прости, – повторил Нери сдавленно. Приклад упёрся в плечо. Прицелившись, он с трудом взял голову ссыльного на мушку. Лучше будет завершить всё сразу, одним движением. Так, чтобы несчастный даже не успел осознать произошедшего.

Заражённый снова двинулся на решётку. Сквозь квадратные дыры в металлической сетке Нери видел приближающееся обветренное лицо. Безучастные глаза, смотрящие в никуда... Ниточка заразной слюны сбегала по шее. Нери содрогнулся: что, если ему вздумается плюнуть?! Он не горел желанием узнать, каково это: умирать от водяного бешенства, которое здесь зовётся недугом Пропasti. Раньше бюджетные ужастики про зомби-Перелом не впечатляли, но теперь...

– Остановись, – голос срывался и дрожал. – Я всего лишь помочь хочу. Ты больше не будешь мучиться.

Блинообразное лицо, покрытое ошметками восковой кожи, вошло под прицел. В горле свербил горький привкус разочарования в самом себе.

– Нери! – визг Кантаны просочился сквозь решётку. – Нери, не мешкай! Он опасен! Быстрее, покончи с этим уже!

Взмокшая ладонь скользнула по стволу ружья. Холодный металл казался враждебным и непредсказуемым. Палец лёг на спусковой крючок. Собрав мужество в кулак, Нери попытался выстрелить.

Толчок. Странный хлюпающий звук сотряс пелену дождя.

Нери так и не понял, что произошло потом. Заметил лишь, что ружьё вывалилось из рук, бухнувшись на сырой песок. Выстрел прорвал воздух. Вибрация отдачи прошла по проржавевшей сетке натужным гулом. Запахло порохом и сажей. Нери так и не заметил, куда улетела пуля и повредила ли она что-нибудь. Одно было ясно как день: его эта участь миновала. Он был невредим.

Как и заражённый, что разъярённым медведем надвигался на барьер.

– Чёрт! – выругался Нери, нагибаясь, чтобы поднять оружие.

Мокрые волосы упали на лицо, заслони́в обзор. Голова гудела, словно пчелиный улей. Липкие капли заструились по шее, затекая под рубашку. Но казалось, что они проникают под самую кожу, полосая нервные окончания.

И только теперь Нери, наконец, понял причину. Правая рука безвольно повисла плетью. Снова. Как и тогда, в спортзале.

Вскинув голову, Нери увидел заражённого точно над собой. Пуская кровавую слюну, мужчина навалился всей массой на шаткое ограждение. Ноги незнакомца тщетно скользили по переплетениям металлической проволоки, пытаясь приподнять тело над землёй.

– Аи-и-иф-ф! – зафырчал мужчина, размазывая гной по ограждению.

– Постой, приятель! – зашептал Нери, борясь с ужасом. – Скоро всё закончится.

– Айф?

Чёрный силуэт возник за спиной заражённого. Кантана выскочила из зарослей на тропку. В руках её покачивался металлический прут. Она уже не кричала: лишь бегающие глаза выдавали ужас и смятение. Плотнo сжатые губы были готовы исторгнуть поток проклятий. И кому, как не Нери, было знать, что предназначались они отнюдь не несчастному ссыльному.

Стоп. Если Кантане вздумается броситься на изгнанного, и попытка не увенчается успехом, логично предположить, что в неё полетит нехилый бумеранг. Сознаёт ли она, что творит?!

Нужно опередить её!

Нери поднял ружьё одной левой и терпеливо извлёк патроны из кожаной сумки, висящей на ремне. Теперь нужно перезарядить оружие. Неизвестно, чего можно ждать, если механизмы вдруг вымокнут. Нери заслонил ружьё собственным телом. Дождевые потоки ударили в спину и резво побежали по пояснице.

Хлипкие металлические нити снова застонали, перетираясь о трубчатые опоры. Ограда мелко затряслась под натиском заражённого. Сквозь шум дождя до ушей доносился вопль. Правая рука резко дёрнулась в такт завываниям и снова замерла. Ну что ж, по крайней мере, один хороший знак. Нери тщетно попытался удержать ствол обеими руками, но пальцы вновь разжались, отпустив ремень.

На противоположной стороне барьера заражённый неуклюже раскачивался на сетке, угрожая обрушить хлипкую преграду. Лицо его перекашивала гримаса боли, жёлтая слизь струилась из носа, смешиваясь с кровавой слюной. Кантана стояла в опасной близости, заматываясь куском арматуры. Поймав её взгляд, Нери замотал головой. Но та лишь хитро приподняла брови, демонстрируя бескомпромиссную решимость. Неизвестно, кого безумие одолело больше: несчастного изгнанного или наследницу клана Бессамори.

Осторожно переставляя ноги, Кантана переступала по гальке, подкрадываясь ближе к незнакомцу. Проржавевший прут арматуры в её руках походил на топор Вершителя, который Нери видел на Посвящении.

– Пыть! – ревел преследователь, качаясь на ограде. – Пы-ы-ыть! Пы-ы-ыть! Пыть!

Металлическая проволока, спиралью обвивающая столбы опор, натужно визжала, обтираясь о щётку вековой ржавчины. Торчащие шипы, вылезшие из сетки в местах разрывов, впивались в руки ссыльного. Потоки крови скользили по воспалённой коже, вызывая рвотные позывы.

Надо стрелять. Бояться нечего. Его уже нет в этом полусгнившем теле.

Нери вскинул ружьё одной левой. Ствол заплясал в воздухе. Едва ощутил опору и смог прицелиться, он почувствовал себя всемогущим.

– Убей, – внезапно проголосил ссыльный, осознанно уставившись на Нери ослепшими глазами. – Умоляю. Прикончи.

Ствол дрогнул в руке, едва не заставив потерять равновесие. Захотелось убежать подальше, бросив всё, только чтобы не слышать этого и не видеть. Чтобы из памяти улетучились кошмарные мгновения осознания, что человек напротив ещё жив. Заперт глубоко в своём сумасшествии, но жив. И жаждет освобождения, как глотка воды!

Нери попятился, по-прежнему держа ружьё наготове.

Пальцы рабочей руки задёргались, наконец, позволив сжать кулак. Судорога пробежала по нервам вверх, согнув руку в локте и тут же снова превратив её в висящую плеть. Подняв глаза, Нери заметил, что Кантана приблизилась к заражённому вплотную и уже занесла арматуру для удара.

– Кантана, – Нери задохнулся от бьющего в лицо колючего ветра. – погоди! Он жив! Он жив, говорю тебе!

Кантана, услышав его посыл, насуплено покачала головой. Мокрые волосы сосульками облепили покрасневшие щеки.

Прут засвистел в воздухе, рухнув на голову мужчины. Фонтанчик дождевых брызг выбился из его взмокшей шевелюры. Чёлка надо лбом приподнялась волной, обнаружив зарубцевавшееся клеймо.

– Вот, блин! – Нери не смог сдержать эмоций. – Кто тебя просил?!

Изгнанный, разъярившись, развернулся к Кантане и, шатаясь, пошёл на неё. Не теряя времени, она обрушила на его голову ещё один удар.

– Прочь! – завопила Кантана. Пронзительный крик птицей вознёсся в дождливую высь.
– Уходи, или я убью тебя, клянусь!

Заражённый почти приблизился к ней. Его шатало и заносило, словно он перебрал «Номера один». Гибко, словно кошка, изогнувшись, Кантана отпрянула к зарослям.

– Стреляй, Нери! – её сиплый крик был наполнен болью и отчаянием. – Скорее!

Ярость ударила под дых. Знала бы капризная девчонка, что всё не так просто!

Нери предпринял очередную попытку пошевелить правой рукой. Наконец-то! Рука послушалась. Дрожащий палец лёг на спусковой крючок.

– Что я творю?! – простонал он, целясь в голову заражённого.

Страх смерти и мук оказался сильнее терзаний совести. Тело стало действовать отдельно от рассудка, оторвавшись от его человеческой части. Пальцы хладнокровно нажали на спусковой крючок...

Выстрел.

Боль отдачи стиснула плечо. Запах пороха заиграл в сгустившемся воздухе.

Да, Нери не обладал столь же безупречной реакцией, как Кантана. Но вот стрелять он умел. Очень хорошо умел.

Заражённый повалился на спину, конвульсивно дёрнувшись. В виске его зияла чёрная дыра. С обугленных краёв лениво стекал багряный ручеёк густой крови. Дождь хватал кровавые ошметки, впечатывая красные пятна в песок.

Кантана отпрыгнула от рухнувшего тела и задрала лицо в небо, сочащееся дождём. Даже с большого расстояния Нери видел, как дрожат её губы.

– Всё кончено. – сказал Нери, опуская ружьё. Он удивлялся собственному хладнокровию: вид мёртвого тела и осознание того, что он совершил убийство, совершенно его не трогали.
– Он мёртв, Кантана.

5

– Давай! – выкрикнул Нери, опуская ружьё. Патронов не осталось, да и повторять сомнительный подвиг не хотелось. – Вылезай оттуда скорее!

Негодование природы извергалось на землю ливневыми потоками. Темнота обволокла берег ворсистым покрывалом. Дни осени слишком коротки, чтобы успеть их прочувствовать. Зато уж длинные ночи точно годятся для размышлений о бренности бытия.

Кантана ринулась к загородке, возбуждённо дыша. Глаза её поблёскивали, выдавая панику.

– Не здесь, – остановил её Нери.

– Что? – она застыла в паре метров от ограды.

– Он кидался на загородку в этом месте и испачкал её кровью. Мало ли...

– Не время умничать! – Кантана казалась раздражённой.

– Зато самое время заразиться, – Нери подмигнул. – И умереть. Хочешь умереть в мучениях, как он?! В добрый путь! Только тебе я помогать в этом не буду! Ты прочувствуешь всю красоту болезни от начала до логического завершения! Поняла меня?!

– Хватит орать! – возмутилась Кантана. – Я и так прекрасно тебя слышу!

– Но ты ведь иначе не понимаешь, – Нери бросил ружьё на песок и отошёл на десяток шагов выше вдоль забора. – Лезь здесь. Думаю, тут безопасно. Если, конечно, никто не пытался убить себя о сетку до нашего прихода.

Всё ещё фырча от раздражения, Кантана вскарабкалась по решётке. Дождь заливал её лицо, заставляя кожу блестеть. Даже сквозь ячейки металлической изгороди было заметно, как дрожат её пальцы.

– Давай, помогу! – Нери протянул руки.

Кантана нехотя поддалась, позволив снять себя с забора. Нери догадывался, что сам взмок ровно настолько же, да и ветер, пробирающий до костей, не давал усомниться.

Кантана ступила на песок и выпрямилась, шумно переводя дыхание. Забавная она: сначала делает всё для того, чтобы влипнуть в передрыгу, а потом, чудом из неё выпутавшись, дрожит от ужаса.

– Ну что? – с сарказмом процедил Нери. – Не получилось? Я, между прочим, сразу говорил тебе, что брата ты не найдёшь!

– Я нашла его, Нери, – прохрипела Кантана, отплёвываясь от дождевой воды. – Но он решил всё без нас. Он слишком гордый...

– Или ему не нужна эта жизнь, – подхватил Нери, перекрикивая шум дождя.

– Да, – подытожила Кантана горестно.

– Каждый имеет право на выбор, – Нери вздохнул в сгущающейся темноте. – Это его дело. Он взрослый. Просто позволь ему эту роскошь: определиться.

– По крайней мере, я увидела его, – победно доложила Кантана. – И знаю, что он счастлив.

– В Пропасти-то?!

– Они все счастливы там, Нери.

– Может, ты тоже к ним хочешь? – он едва сдержал смех. – У тебя есть все шансы.

– Удивишься, но думала об этом, – с неожиданной серьёзностью произнесла Кантана. – Я встретила там одну женщину, которую знала раньше. Она выглядела куда более счастливой, чем я.

– Ну что ж. Этой цели достичь легко. Где бы ты ни видела счастье, Кантана, я не стану удерживать тебя от того, чтобы ты его взяла. Мне от этого ни холодно, ни жарко – счастье у нас разное. Но, думаю, что лучше будет тебе заняться этим позже. Потому что сейчас нам надо сматываться.

– Да уж. Мы промокли до костей. Но дозорные в Башне, и нам туда хода нет, – Кантана отвернулась, поглядывая на развалины, торчащие из земляных завалов как гнилые зубы из распухших дёсен. – Предлагаешь столкнуться с ними нос к носу?

– Я похож на самоубийцу? – Нери попытался усмехнуться, но получилось плохо. Осознание произошедшего, наконец, накрыло, подступив к самому горлу удушьем. Он – убийца. – Просто открой портал и выведи нас наверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.